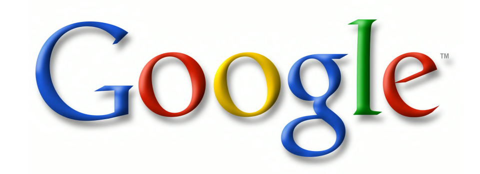


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

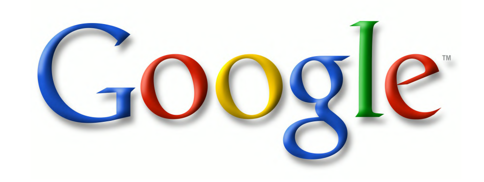
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/



Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

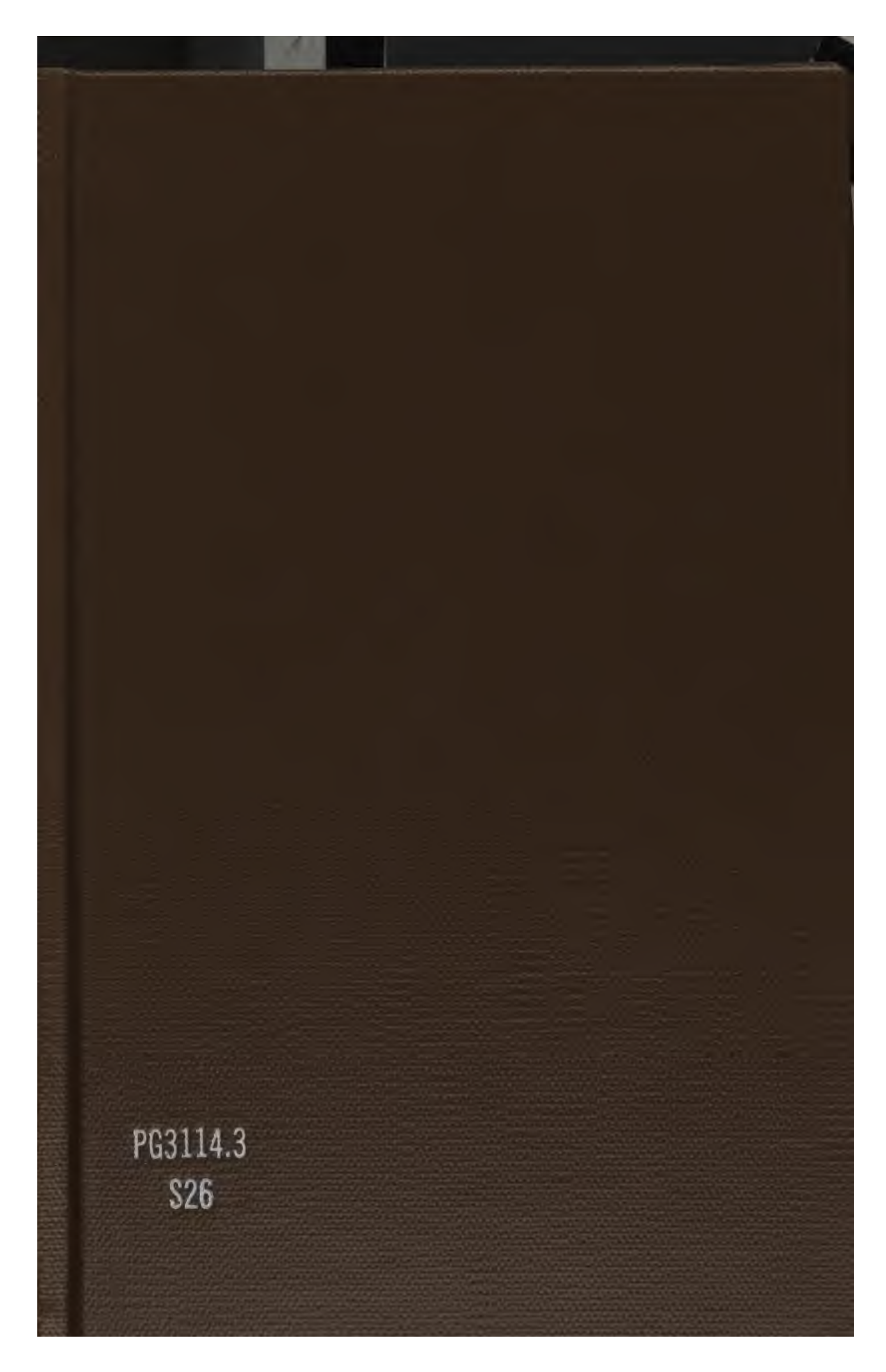
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ирииадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

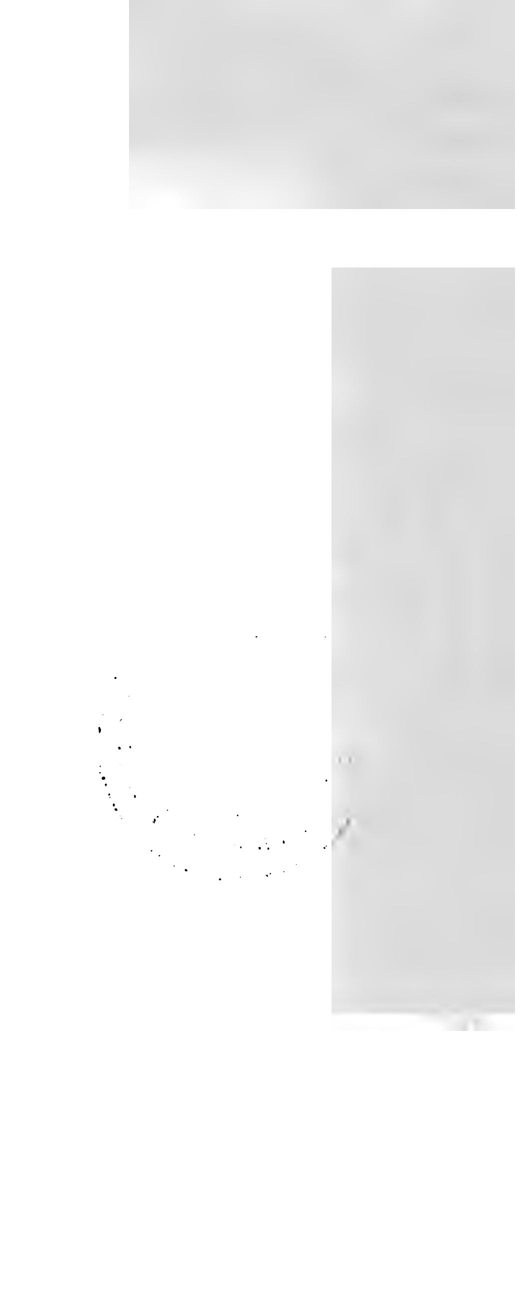
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/


PG3114.3
S26

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



Sbornik velikorusskikh narodny
istoricheskikh piesen

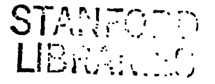
СБОРНИКЪ

ВЕЛИКОРУССКИХЪ

НАРОДНЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ

ПѢСЕНЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Эрнста.
1860.



Sbornik velikorusskikh nar
" istoricheskikh piesen

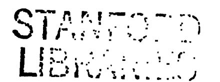
СБОРНИКЪ

ВЕЛИКОРУССКИХЪ

НАРОДНЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ

ПѢСЕНЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Эрнста.
1860.



доселѣ не перестаетъ питаться національными силами историческихъ преданій въ своихъ историческихъ былинахъ. Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. И если русскій безграмотный людъ не учится исторіи своей родной земли по школьнымъ учебникамъ, если не понимаетъ ни хронологической, ни прагматической связи между важнѣйшими событіями родной старины, то все же онъ питаетъ къ нимъ поэтическое и нравственное сочувствіе, воспоминая о нихъ въ своихъ былинахъ. Не буду здѣсь касаться вопроса о томъ, что больше можетъ роднить простой народъ съ его стариною — это ли нравственное поэтическое сочувствіе или школьный учебникъ; но не могу умолчать о томъ, что съ точки зрѣнія собственно литературной, былины несравненно выше всевозможныхъ учебниковъ, и для народа въ его неразвитомъ, безсознательномъ, поэтическомъ періодѣ развитія—онѣ служатъ единственнымъ и самымъ популярнымъ средствомъ къ поддержанію и укрѣпленію національныхъ силъ, развитыхъ

въ народѣ его исторіею. Правда, что былина, по большей части, обилуетъ анахронизмами, смѣшеніемъ исторической истины съ поэтическимъ вымысломъ; но въ общемъ своемъ составѣ, но въ нравственной характеристикѣ лицъ и въ пониманіи великихъ событій старины и до сихъ поръ она еще не встрѣчаетъ себѣ соперничества ни въ одномъ историческомъ, прагматическомъ сочиненіи, а по искренности національнаго чувства она можетъ равняться развѣ только съ лучшими страницами лѣтописи, которой служитъ живымъ народнымъ отголоскомъ.... Если для исторіи науки поучительны самыя ошибки ученыхъ дѣятелей, то тѣмъ поучительнѣе поэтическія заблужденія цѣлаго народа, потому что они налагаютъ неизгладимыя черты на всю его нравственную физіономію». (Лѣтописи исторіи литературы и древностей, книга 2-ая, стр. 89—90).

Прибавимъ, что извѣстному требованію отъ писателей для дѣтей заставлять дѣтей не резонерствовать, а чувствовать—былины

вполнѣ удовлетворяютъ. «Очень полезно, даже необходимо, говоритъ Бѣлинскій (т. 3-й стр. 515), знакомить дѣтей съ русскими народными пѣснями, читать имъ, съ немногими пропусками, стихотворенія Кирши Данилова. Народность обыкновенно выпускается у насъ изъ плана воспитанія; часто не только юноши, но и дѣти знаютъ наизусть отрывки изъ трагедій Корнеля и Расина и умѣютъ пересказать десятокъ анекдотовъ о Генрихѣ IV, о Людовикѣ XIV, а между тѣмъ не имѣютъ и понятія о сокровищахъ своей народной поэзіи, о русской литературѣ, и проч».

Нашъ же трудъ состоялъ въ томъ, что мы иногда выкидывали неподходящія къ дѣтскому возрасту выраженія, сгладили крайніе провинціализмы, затрудняющіе чтеніе, и сдѣлали очень немногія доступныя для дѣтей примѣчанія; при расположеніи былинъ мы держались, на сколько возможно было, хронологическаго порядка.

И. Худяковъ.

I.

Волхъ Всеславьичъ [1].

По саду, по саду по зеленому, ходила, гуляла
Молода Княжна Марѳа Всеславьевна;
Она съ камени скачила на лютаго на змѣя
Обвивается лютой змѣй около чебота—зеленъ сафьянъ,
Около чулочка шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну; [2]
А въ ту пору Княгиня понось понесла,
А понось понесла и дитя родила;
А и на небѣ просвѣтилъ свѣтелъ мѣсяцъ,

1. Древн. Стих. Кирши Дан стр. 45.

2. Стегно — верхняя часть ноги до колѣна.

А въ Кіевѣ родился могучь богатырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,[1]
А и синее море сколебалося
Для ради рожденья богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры[2] да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельничкамъ
Соболи, куницы по островамъ.
А и будетъ Волхъ въ полтора часа
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Мареа Всеславьевна!
А не пеленай меня въ пелену червчатую,[3]
А не поями въ поясья шолковыя
Пеленай меня матушка
Въ крѣпки латы булатные,

---

1. Индія, страна въ Азіи. Здѣсь нужно замѣтить, что предки Руссихъ, Поляковъ Чеховъ, Болгаръ, Сербовъ были Славяне; а предки Славянъ, Германцевъ и другихъ Европейскихъ народовъ жили въ Азіи, откуда еще въ доисторическую эпоху они перешли въ Европу и мало по малу образовали существующія до сихъ поръ государства.

2. Туръ — животное, живущее теперь только въ Гродненской губерніи на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта.

3. Червчатый — черленный, багровый.

А на буйну голову клади златъ шеломъ [1],
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А вѣсомъ та палица въ триста пудъ.
А и будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка грамотѣ учиться,
А грамота Волху въ наукъ пошла;
Посадила его ужь перомъ писать,
Письмо ему въ наукъ пошло.
А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Въ ту пору поучился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
И другой то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
И третей то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ, золотые рога·
А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать,
Дружину прибиралъ три года;
Онъ набралъ дружины себѣ семь тысячей;
Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ,
И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ·
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Кіеву;

---

1. Шеломъ — шлемъ.

Sbornik velikorusskikh narodn
istoricheskikh piesen

СБОРНИКЪ

ВЕЛИКОРУССКИХЪ

НАРОДНЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ

ПѢСЕНЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Эрнста.
1860.

STANFORD
LIBRARIES

Полетѣлъ онъ къ Царству Индѣйскому
И будетъ онъ въ Царствѣ Индѣйскомъ,
И сѣлъ на палаты бѣлокаменны,
На тѣ на палаты Царскія,
Къ тому Царю Индѣйскому
И на то окошечко косящатое.
А и буйные вѣтры по снѣгу тянутъ,
Царь со Царицей разговоры говоритъ,
Говорила молодая Царица Индѣйская:
«А и гой еси ты, славной Индѣйской Царь!
Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
Про то не знаешь, не вѣдаешь,
Что на небѣ просвѣтилъ свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
Тебѣ Царю сопротивничекъ».
А въ ту пору Волхъ онъ догадливъ былъ
Сидючи на окошкѣ косящатомъ,
Онъ тѣ то рѣчи выслушивалъ;
Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ,
И все въ землю закапывалъ.
Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,

Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ храброй-то;
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ:
« Гой еси вы, дружина храбрая!
Не время спать, пора вставать,
Пойдемъ мы къ Царству Индѣйскому».
И пришли они къ стѣнѣ бѣлокаменной,
Крѣпка стѣна бѣлокаменная,
Ворота у города желѣзные,
Крюки, засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны, нощны,
Стоитъ подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзаны,
А и только въ вырѣзу мурашу пройти,
И всѣ молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорятъ таково слово:
« Потерять намъ тутъ головы буйныя;
А и какъ намъ будетъ стѣну пройти».
Молодой Волхъ онъ догадливъ былъ,
Самъ обернулся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцевъ мурашками;
Прошли они стѣну бѣлокаменну,
И стали молодцы ужь на другой сторонѣ
Во славномъ Царствѣ Индѣйскомъ;
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами.
Со своею стали сбруею со ратною,

А всѣмъ молодцамъ онъ приказъ отдаетъ:
«Гой еси вы, дружина храбрая!
Ходите по царству Индѣйскому,
Рубите стараго, малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
Оставьте только вы по выбору,
Не много не мало семь тысячей,
Душечекъ красныхъ дѣвушекъ».
А и ходитъ его дружина по Царству Индѣйскому,
А и рубитъ стараго, малаго,
А и только оставляютъ по выбору
Душечекъ красныхъ дѣвушекъ;
А самъ онъ Волхъ во палаты пошелъ,
Въ тѣ во палаты Царскія,
Къ тому Царю ко Индѣйскому,
Двери были у палатъ желѣзныя,
Крюки, пробои по булату злачены,
Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичь:
«Хоть ногу сломать, да двери выставить»!
Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
Изломалъ всѣ пробои булатные,
Онъ беретъ Царя за бѣлы руки,
Славнаго Царя Индѣйскаго,
Говоритъ тутъ Волхъ таково слово:
«А и васъ-то Царей не бьютъ, не казнятъ!»
Ухватя его ударилъ о кирпичатый полъ,

Расшибъ его въ крохи.
И тутъ Волхъ самъ Царемъ насѣлъ,
Взявши Царицу молодую Индѣйскую,
А и та его дружина храбрая
И на тѣхъ дѣвицахъ переженилася.
А и молодой Волхъ тутъ Царемъ насѣлъ,
А то стали люди посадскіе;
Онъ злата, серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сту тысячей.

II.

О женидьбѣ князя Владиміра [1].

—

Въ стольномъ было въ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, князя Владиміра,
А и было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
Много на пиру было князей и бояръ,
И русскихъ могучихъ богатырей;
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкой столъ во полу столѣ,
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,

1. Изъ Сб. Кирши, стр. 85.

Черныя кудри расчесываетъ,
Говорилъ онъ, сударь, ласковой
Владиміръ князь таково слово:
«Гой еси вы, князи и бояре и могучіе богатыри!
Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
Только я Владиміръ князь холостъ хожу,
А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю;
А кто мнѣ знаетъ сопротивницу,
Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу,
Какъ бы та была дѣвица станомъ статна,
Станомъ бы статна и умомъ свершна [1],
Ея бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
И ягодицы какъ бы маковъ цвѣтъ,
А и черныя брови какъ соболи,
А и ясныя очи, какъ бы у сокола».
А и тутъ большій за меньшаго прячется,
Отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣтъ.
Изъ того было стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ гостиной сынъ,
Скочилъ онъ на мѣсто богатырское,
Вскричалъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
«Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ князь!
Благослови передъ тобой слово молвити,

---

[1] Совершенна.

И единое слово безопальное,
А и безъ тоя опалы велнкія;
Я ли, Иванъ, въ Золотой Ордѣ бывалъ
У грознаго короля Етмануйла Етмануйловича,
И видѣлъ во дому его двухъ дочерей:
Первая дочь Настасья Королевишна,
А другая Афросинья Королевнишна;
Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными;
А и буйные вѣтры не вихнутъ на нее,
А красное солнце не печетъ лице:
А то-то, сударь, дѣвушка станомъ статна,
Станомъ статна и умомъ свершна,
Бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
А ягодицы какъ маковъ цвѣтъ,
Черныя брови какъ бы соболи,
Ясныя очи какъ у сокола;
Посылай ты, сударь, Дуная свататься».
Владиміръ князь стольной Кіевской
Приказалъ наливать чару зелена вина, въ полтора ведра,
Подносить Ивану гостиному
За тѣ его слова хорошіе,
Что сказалъ ему обручницу.—
Призываетъ онъ Владиміръ князь
Дуная Ивановича въ спальню къ себѣ,
И сталъ ему на словахъ говорить:

«Гой еси ты Дунай, сынъ Ивановичъ,
Послужи ты мнѣ службу заочную,
Съѣзди, Дунай, въ Золоту Орду
Ко грозному королю Етмануйлу Етмануйловичу,
О добромъ дѣлѣ о сватаньѣ
На его любимой на дочери,
На честной Афросиньѣ Королевишнѣ,
Бери ты моей золотой казны,
Бери триста жеребцовъ и могучихъ богатырей».
Подноситъ Дунаю чару зелена вина въ полтора ведра,
Турій рогъ меду сладкаго въ полтретья [1] ведра,
Выпиваетъ онъ, Дунай, чару того зелена вина,
И турій рогъ меду сладкаго;
Разгоралася утроба богатырская
И могучія плеча расходилися,
Какъ у молода Дуная Ивановича;
Говоритъ онъ, Дунай, таково слово:
«А и ласково солнце, ты Володиміръ князь!
Не нужна мнѣ твоя золота казна,
Не надо триста жеребцовъ,
Не надо могучихъ богатырей
А и только пожалуй одного мнѣ молодца,

---

1. Полтретья, т. е. половина третьяго, значитъ два съ половиной (третьяго) ведра.

Какъ бы молода Екима Ивановича,
Который служитъ Алешкѣ Поповичу».
Владимiръ князь стольной Кiевской
Тотчасъ самъ онъ Екима руками привелъ:
«Вотъ-де тѣ, Дунаю, будетъ паробочекъ!» [1]
А скоро Дунай снаряжается,
Скорѣе того богатыри поѣздку чинять
Изъ стольнаго города Кiева
Въ дальну Орду—золоту землю.
И поѣхали удалы, добры молодцы;
А и ѣдутъ недѣлю сподряду,
А и ѣдутъ недѣлю уже другую,
И будутъ они въ Золотой Ордѣ
У грознаго короля Етмануйла Етмануйловича;
Середи двора королевскаго
Скакали молодцы съ добрыхъ коней,
Привязали добрыхъ коней къ дубову столбу,
Приходили въ палату бѣлокаменну.
Говоритъ тутъ Дунай таково слово:
«Гой еси, король въ Золотой Ордѣ!
У тебя ли во палатахъ бѣлокаменныхъ,
Нѣту Спасова образа,
Некому у тебя помолитися,
А и не за что тебѣ поклонитися».
Говоритъ тутъ король Золотой Орды,

---

1. Паробочекъ—старинное слово, значитъ: мальчикъ, отрокъ, прислужникъ.

А и самъ онъ король усмѣхается:
«Гой еси, Дунай, сынъ Ивановичъ!
Или ты ко мнѣ пріѣхалъ по старому служить
и по прежнему»?
Отвѣчаетъ ему Дунай, сынъ Ивановичъ:
«Гой еси ты, король въ Золотой Ордѣ!
А и я къ тебѣ пріѣхалъ не по старому слу-
жить и не по прежнему,
Я пріѣхалъ о дѣлѣ о добромъ къ тебѣ,
О добромъ-то дѣлѣ, о сватаньѣ;
На твоей, сударь, любимой-то на дочери
На честной Афросиньѣ Королевишнѣ,
Владиміръ князь хочетъ женится».
А и тутъ королю за бѣду стало,
А рветъ на главѣ кудри черныя
И бросаетъ о кирпищатъ полъ,
А притомъ говоритъ таково слово:
«Гой еси ты Дунай, сынъ Ивановичъ!
Еслибъ прежде у меня не служилъ вѣрою и
правдою
Тобъ велѣлъ посадить въ погреба глубокіе
И уморилъ бы смертью голодною
За тѣ за слова за бездѣльныя».
Тутъ Дунаю за бѣду стало,
Разгоралось сердце богатырское,
Вынималъ онъ свою сабельку острую,
Говоритъ таково слово:

«Гой еси, король Золотой Орды,
Еслибъ у тебя на дому не бывалъ,
Хлѣба, соли не ѣдалъ,
Ссѣкъ бы по плечь буйну голову»!
Тутъ король заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Псы борзы заходили на цѣпяхъ,
А и хочетъ Дуная живьемъ стравить
Тѣми кобелями меделянскими;
Скричитъ тутъ Дунай сынъ Ивановичъ:
«Гой еси, Екимъ сынъ Ивановичъ!
Что ты сталъ, да чего глядишь?
Псы борзы заходили на цѣпяхъ.
Хочетъ насъ съ тобой король живьемъ стравить»!
Бросился Екимъ сынъ Ивановичъ,
Онъ бросился на широкой дворъ;
А тѣ мурзы, улановья
Не допустятъ Екима до добра коня,
До своей его палицы тяжкія,
А и тяжкія палицы мѣдныя,
Лита она была въ три тысячи пудъ,
Не попала ему палица желѣзная,
Что попала ему ось-то телѣжная,
И зачалъ Екимъ помахивати,
Прибилъ онъ силы семь тысячей,
Пятьсотъ онъ прибилъ меделянскихъ кобелей
Закричалъ тутъ король зычнымъ голосомъ:

«Гой еси, Дунай Ивановичь!
Уйми ты своего слугу вѣрнаго,
Оставь мнѣ силы хоть на сѣмена;
А бери ты мою дочь любимую
Афросинью Королевишну»!
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Унималъ своего слугу вѣрнаго,
Пришелъ къ высокому терему,
Гдѣ сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными.
Буйные вѣтры не вихнутъ на нее,
Красное солнце лица не печетъ;
Двери у палатъ были желѣзныя,
А крюки, пробои по булату злачены,
Говоритъ тутъ Дунай таково слово:
«Хоть ногу изломить, а двери выставить»!
Пнетъ во двери желѣзныя,
Проломалъ онъ крюки булатные,
Всѣ палаты тутъ зашатались,
Бросится дѣвица, испужалася,
Будто угорѣлая вся.
Хочетъ Дунай во уста цѣловать.
Проговоритъ Дунай сынъ Ивановичь:
«Гой еси Афросинья Королевишна!
Не цѣлую я тебя во сахарныя уста,
А и Богъ тебя милуетъ;
Достанешься ты князю Владиміру».

Взялъ ее за руку за правую
Повелъ изъ палатъ на широкой дворъ,
А и хочутъ садиться на добрыхъ на коней.
Спохватился король въ Золотой Ордѣ,
Самъ говорилъ таково слово:
«Гой еси, ты Дунай Ивановичь!
Пожалуй подожди мурзъ, улановей»!
И отправляетъ Король своихъ мурзъ, улановей
Везти за Дунаемъ золоту казну;
И тѣ мурзы, улановья
Тридцать телѣгъ ордынскихъ насыпали златомъ
И серебромъ и скатнымъ жемчугомъ,
А сверхъ того каменьями самоцвѣтными.
Скоро Дунай снаряжается,
И поѣхали они къ городу Кіеву,
А и ѣдутъ недѣлю уже споряду,
А и ѣдутъ уже другую,
И тутъ же везутъ золоту казну;
А наѣхалъ Дунай на бродучій слѣдъ,
Не доѣхавши до Кіева за сто верстъ,
Самъ онъ Екиму сталъ наказывать:
«Гой еси, Екимъ сынъ Ивановичь!
Вези ты Афросинью Королевишну
Ко стольному городу ко Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру,
Честно, хвально и радостно;
Было бы намъ чѣмъ похвалитися

Великому князю [1] во Кіевѣ.
А самъ онъ Дунай поѣхалъ
По тому слѣду по свѣжему, бродучему,
А и ѣдетъ ужь сутки другіе,
Въ четвертые сутки слѣдъ дошелъ,
На тѣхъ на лугахъ на потѣшныхъ;
Куда ѣздилъ ласковой Владиміръ князь всегда за охотою.
Стоитъ на лугахъ тутъ бѣлъ шатеръ.
Въ томъ шатрѣ опочивъ держитъ красна дѣвица,
А и та ли Настасья Королевишна,
Молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Вынималъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынулъ калену стрѣлу,
А и вытянулъ лукъ за ухо калену стрѣлу,
Котора стрѣла семи четвертей,
Хлестнетъ онъ Дунай по сыру дубу;
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго;
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ,
Изломала его въ черенья ножевые.
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра будто угорѣлая,
А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ

---

1. Въ старину на Руси было много князей; каждый управлялъ въ своемъ городѣ. Великій т. е. старшій, главный князь жилъ первоначально въ Кіевѣ.

Скочилъ онъ Дунай со добра коня
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
И сталъ онъ съ дѣвицею дратися,
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище [1] булатное.
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя.
Въ ту пору дѣвица взмолилася:
«Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
Не коли ты меня дѣвицу до смерти.
Я у батюшки, сударя, отпрошалася,
Кто побьетъ меня во чистомъ полѣ,
За того мнѣ дѣвицѣ за мужъ идти».
А и тутъ Дунай сынъ Ивановичъ
Тому ея слову обрадовался,
Думаетъ себѣ разумомъ своимъ:
Служилъ я, Дунай, во семи ордахъ,
Во семи ордахъ, семи королямъ,
А не могъ себѣ нажить красныя дѣвицы,
Нынѣ нашелъ я во чистомъ полѣ
Обручницу, сопротивницу.
Тутъ они обручалися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися [2];

---

1. Кинжалъ.

2. Въ глубокую древность предки русскихъ и древніе русскіе имѣли языческую вѣру; вѣнчанье кругъ ракитова куста было однимъ изъ обрядовъ языческой вѣры; языческая вѣра впослѣдствіи была замѣнена христіанскою.

А скоро ей приказъ отдалъ собиратися,
И обралъ у дѣвицы сбрую всю:
Куякъ [1] и панцырь съ кольчугою,
Приказалъ онъ дѣвицѣ наряжатися
Въ простую епанечку бѣлую;
И поѣхали ко граду ко Кіеву.
Только Владиміръ стольной Кіевской
Въ ту пору ѣдетъ отъ злата вѣнца,
И пріѣхалъ князь на свой княженецкой дворъ;
Во свѣтлыя гридни [2] убиралися,
За убраные столы сажалися.
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Пріѣхалъ ко церкви соборныя,
Ко тѣмъ попамъ и ко дьяконамъ,
Приходилъ онъ во церкву соборную,
Проситъ честныя милости
У того архирея соборнаго,
Обвѣнчать на той красной дѣвицѣ.
Ради были тому попы соборные—
Въ тѣ годы присяги не вѣдали—
Обвѣнчали Дуная Ивановича;
Вѣнчальнаго далъ Дунай пять сотъ рублей
И поѣхалъ ко князю Владиміру.

---

1. Куякъ—каска, колпакъ.

2. Гридни—пріемная комната въ древнихъ княжескихъ дворцахъ.

И будетъ у князя на широкомъ дворѣ
И соскочили съ добрыхъ коней съ молодой женой,
И говорилъ таково слово:
«Доложитесь князю Владиміру
Не о томъ, что идти въ свѣтлы гридни,
О томъ, что не въ чемъ идти княгинѣ молодой
Платья женскаго только одна и есть епанечка бѣлая».
А въ ту пору Владиміръ князь онъ догадливъ былъ,
Знаетъ онъ кого послать:
Послалъ онъ Чюрила Пленковича
Выдавать платьице женское цвѣтное;
И выдавали тутъ соянъ хрущатой камки [1]
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью Королевишну;
А цѣна тому сояну сто тысячей.
И снарядили они княгиню новобрачную,
Повели ихъ во палаты княженецкія,
Въ тѣ гридни свѣтлыя,
Сажали за столы убраные,
За яства сахарныя и за питья медовыя;
Сѣли ужь двѣ сестры за однимъ столомъ;
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь

---

1. Соянъ—женскій нагрудникъ; камка—шелковая китайская ткань съ разводами.

Женилъ онъ князя Владиміра,
Да и самъ тутъ же женился,
Въ томъ же столѣ столовати сталъ.—
Жили они время немалое,
У князя Владиміра, у солнышка краснаго,
Была пирушка веселая;
Тутъ пьяной Дунай расхвастался:
Что нѣтъ противъ меня въ Кіевѣ такова стрѣльца,
Изъ туга лука по примѣтамъ стрѣлять.
Что взговоритъ молода княгиня Апраксѣевна:
«Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,
Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
Что нѣту-де во Кіевѣ такого стрѣльца,
Какъ любезной сестрицы моей Настасьи Королевишны».
Тутъ Дунаю за бѣду стало;
Бросали они жеребья,
Кому прежде изъ туга лука стрѣлять,—
И досталось стрѣлять молодой женѣ
Настасьѣ Королевишнѣ,
А Дунаю досталося на главѣ золото кольцо держать.
Отмѣряли мѣсто на цѣлу версту тысячну,
Держитъ Дунай на главѣ золото кольцо;
Вытягала Настасья калену стрѣлу.

Сшибла съ головы золото кольцо
Тою стрѣлкою каленою;
Князи и бояре тутъ металися,
Усмотрѣли калену стрѣлу,
Что на тѣхъ то перушкахъ лежитъ то золото
кольцо.
Въ ту пору Дунай становилъ на примѣту свою
молоду жену;
Стала княгиня Апраксѣевна его уговаривати:
«А и гой еси, любимой мой зятюшка,
Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
То вѣдь шуточка пошучена».
Да говорила же его и молода жена:
«Оставимъ-де стрѣлять до другаго дня,
Есть-де въ утробѣ у меня могучь богатырь;
Первой-де стрѣлкой не дострѣлишь,
А другой-де перестрѣлишь,
А третьею-де стрѣлкою въ меня угодишь».
Въ ту пору князи и бояре
И всѣ сильны могучи богатыри
Его молода Дуная уговаривали.
Въ ту пору Дунай озадорился,
И стрѣлялъ въ примѣту на цѣлу версту въ зо-
лото кольцо;
Становилъ стоять молоду жену;
И въ ту пору его молода жена
Стала ему кланятися и передъ нимъ убиватися:

«Гой еси ты мой любезный ладушка,
Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
Оставь шутку на три дня,
Хоть не для меня, но для своего сына нерож-
деннаго,
Завтра рожу тебѣ богатыря,
Что не будетъ ему сопротивничка».
Тому-то Дунай не повѣровалъ,
Становилъ свою молоду жену Настасью Коро-
левишну
На мѣту съ золотымъ кольцомъ,—
И велѣли держать кольцо на буйной главѣ.
Стрѣлялъ Дунай за цѣлу версту изъ туга лука:
А и первой стрѣлой онъ не дострѣлилъ,
Другой стрѣлой перестрѣлилъ,
А третьей стрѣлою въ нее угодилъ.
Прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ
Выдергивалъ чингалище булатное,
Скоро споролъ ей груди бѣлыя:
Выскочилъ изъ утробы удалъ молодецъ,
Онъ самъ говоритъ таково слово:
«Гой еси, сударь, мой батюшка!
Ктобы далъ мнѣ сроку на три часа,
А я бы на свѣтѣ былъ попрыжѣе
И получше въ семь седмерицъ тебя».
А и тутъ молодой Дунай сынъ Ивановичь запе-
чалился,

Ткнулъ себя чингалищемъ во бѣлы груди,
Сгоряча онъ бросился во быстру рѣку.
Потому быстра рѣка Дунай слыветъ,
Своимъ устьемъ впала въ сине море. [1]
А и то старина, то и дѣянье!

---

1. Рѣка Дунай впадаетъ южнѣе за Одессой въ Чёрное море; на ней прежде встарину жили предки Русскихъ и оттуда пришли въ нынѣшнюю Россію. Теперь на берегахъ ея живутъ Сербы и Болгаре, происходящіе также, какъ и мы, отъ Славянъ; они одной съ нами вѣры; Болгаре находятся въ большомъ угнѣтеніи подъ властью Турокъ.

III.

Соловей Будимірович.[1]

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.
Изъ за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя, вѣдь заморскаго
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ корабль

---

1. Кирша, стр. 1.

Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
На томъ было соколѣ кораблѣ,
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.—
Бѣгутъ ко городу Кіеву
Къ ласкову князю Владиміру.
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,

Въ чердакѣ была бесѣда [1] дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будимірович;
Говорилъ Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ будетъ князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати»?
Отвѣчаютъ гости корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые:
«Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ сороковъ черныхъ лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что недорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости были Царя—града [2],
А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будиміровича;
На златѣ, на серебрѣ не погнѣваться».

---

1. Т. е. бесѣдка.

2. Царемъ-градомъ называется Константинополь; съ этимъ городомъ русскіе въ старину имѣли сношенія; отсюда получили наши предки христіанскую вѣру, замѣнившую языческую.

Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможнѣ платили
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей со всего живота.—
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурпаетыхъ лисицъ;
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владиміру,
Идетъ во гридню, во свѣтлую;
Какъ бы на пяту двери отворялися,
Идетъ во гридню Купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурпастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущатую,
Недорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,

А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковой Владиміръ князь:
«Гой еси ты, богатой гость,
Соловей, сынъ Будиміровичь!
Заимуй дворы княженецкіе.
Заимуй ты боярскіе,
Заимуй дворы и дворянскіе».
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичь:
«Не надо мнѣ дворы княженецкіе,
И не надо дворы боярскіе,
И не надо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Непаханыя и неораныя,
У своей, сударь, княженецкой племянницы,
У молоды Запавы Путятишной,
Въ ея, государь, зеленомъ саду,
Въ вишеньѣ, въ орѣщеньѣ,
Построить мнѣ Соловью снаряденъ дворъ».
Говорилъ, сударь, ласковой Владиміръ князь:
«На то тебѣ съ княгинею подумаю»!
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли,
Непаханыя и неораныя.
Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей сынъ Будиміровичь:
«Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,

Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
Въ вишеньѣ въ орѣшеньѣ».
Съ вечера, поздныимъ поздно,
Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала его дружина храбрая
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ зоря, въ теремѣ зоря—
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени,—
Отъ сна-то Запава пробужалася,
Просмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Въ свой, вѣдь, хорошій, во зеленый садъ;
Чудо Запавѣ показалося
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красныя сѣнныя дѣвушки!
Подите-ка, посмотрите-ка,

Что мнѣ за чудо показалося
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ»?—
Отвѣчають нянюшки, мамушки,
И сѣнныя красныя дѣвушки:
«Матушка, Запава Путятишна!
Изволь-ко сама посмотрѣть:
Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло».
Скоро-де Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,
Цѣна то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей,
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Въ свой во хорошъ, во зеленой садъ;
У перваго терема послушала;
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ,
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ—
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту,—
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,

Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце,
Не небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ зоря, въ теремѣ зоря—
И вся красота поднебесная.
Подломилиcь ея ноженьки рѣзвыя;
Въ ту пору Соловей, онъ догадливъ былъ,
Бросилъ свои звончаты гусли,
Подхватилъ дѣвицу за бѣлы руки.
«Чего-де ты, Запава, испужалася?
Мы-де оба на возврастѣ».
«А и я-де дѣвица на выданьѣ,
Пришла-де сама за тебя свататься»!
Тутъ они и помолвили.
Цѣловалися они, миловалися,
Золотыми перстнями помѣнялися.
Провѣдала его Соловьева матушка,
Честна вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Свадьбу кончити назначила:
«Съѣзди-де за моря синія,
И когда-де тамъ расторгуешься
Тогда и на Запавѣ женишься».
Отъѣзжалъ Соловей за моря синія;
Въ ту пору поѣхалъ и голой Шапъ Давидъ
Поповъ,—
Скоро за морями исторгуется,

А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ;
Приходитъ ко ласкову князю съ подарками,
Принесъ сукно смурое,
Да крашенину [1] печатную.
Въ ту пору князь сталъ спрашивати:
«Гой еси ты, голой Шапъ Давидъ Поповъ!
Гдѣ ты слыхалъ, гдѣ видывалъ,
Про гостя богатаго, про молода
Соловья, сына Будиміровича»?
Отвѣчалъ ему голой Шапъ:
«Я-де объ немъ слышалъ,
Да и самъ подлинно видѣлъ
У того царя Заморскаго; Соловей у царя въ протаможье попалъ,
И за то посаженъ въ тюрьму,
А корабли его отобраны
На его жь царско величество».
Тутъ ласковой Владиміръ князь закручинился;
Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за голаго Шапа Давида Попова.
Тысяцкой—ласковой Владиміръ князь;
Сваха была княгиня Апраксѣевна,
Въ поѣзду князи и бояре,
Поѣзжали во церкви Божіи,
Въ ту пору жь въ Кіевъ флотъ пришелъ

---

1. Крашенина—толстый холстъ, окрашенный какой-нибудь краскою.

Богатаго гостя, молода
Соловья, сына, Будимировича,
Ко городу ко Кіеву,
Якори метали во быстрой Днѣпръ,
Сходни бросали на крутъ красенъ бережокъ;
Выходилъ Соловей со дружиною,
Изъ сокола корабля съ каликами [1]
Въ бѣломъ платьи сорокъ каликъ со каликою—
Подходили они ко честной вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ
Правятъ челобитье отъ сына ея, гостя богатаго,
Отъ молода Соловья Будимировича,
Что прибылъ флотъ въ девяностѣ корабляхъ,
И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ городомъ Кіевомъ;
А оттуда пошли на княженецкой дворъ,
И стали во единый кругъ.
Въ ту пору слѣдовалъ со свадьбою
Владиміръ князь въ домъ свой,—
И пошли во гридни свѣтлые,
Садилися за столы бѣлодубовые,
За яства сахарныя,
И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со каликою.
Тогда ласковой Владиміръ князь

1. Калика—нищій, просящій милостиню пѣніемъ различныхъ псалмовъ и духовныхъ пѣсней.

Велѣлъ подносить вина имъ заморскія
И меда сладкіе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья узнывали,
Проводили его ко княженецкому столу.
Сперва говорила Запава Путятишна:
«Гой еси мой, сударь, дядюшка,
Ласковой, сударь, Владиміръ князь!
Тотъ-то мой прежній обрученный женихъ
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ, —
Прямо, сударь, скачу—обезчещу столы».
Говорилъ ей ласковой Владиміръ князь:
«А ты, гой еси, Запава Путятишна!
А ты прямо не скачи, не безчести столы»!
Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ,
Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую,
И пошла за столы бѣлодубовы,
И сѣли они за яства сахарныя, на большо мѣсто [1]
Въ ту пору ласковой Владиміръ князь веселъ сталъ,
А княгиня наипаче того;
Поднимали пирушку великую.

---

1. Встарину за столъ садились по мѣстамъ: болѣе знатныхъ гостей садили на большое мѣсто; кромѣ того были мѣста среднія и малыя; молодымъ они давались по отцовскому званью.

IV.

Поѣздка Ильи Муромца въ Кіевъ.[1]

—

Какъ изъ славнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Корочаева,
Какъ была-де поѣздка богатырская—
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичь
Къ стольному городу ко Кіеву,
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ;
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черны грязи Смоленскія—
И залегалъ ее дорогу Соловей разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,

1. Кирша, стр. 352.

Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана не вымать калену стрѣлу,
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
А и только его Илью видѣли—
Прощался съ отцемъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
И выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ—
А и конь подъ Ильею разсержается:
Онъ первый скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ тѣ грязи Смоленскія.
Какъ будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Въ темныхъ лѣсахъ, во Брынскихъ;
Наѣзжалъ Илья на девять дубовъ,
И наѣхалъ Илья на Соловья разбойника.
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А въ третій зрявкаетъ по звѣриному:

Подъ Ильею конь окорачился
И падалъ на кукорачь.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
«А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
Не бывалъ ты конь во темныхъ лѣсахъ,
Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли ты крику звѣринаго,
А звѣринаго крику туринаго»!
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вынимаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья разбойника;
И попалъ Соловью, да въ правый глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья къ той ко лукѣ ко седѣльныя;
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена;
Она хитра была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе—
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,

Какъ было около двора желѣзный тынъ,
А на всякой тынинкѣ по маковкѣ,
И по той по головкѣ богатырскія.
Наводила трубками нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена,
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака во свои высокіе терема
И будила она девять сыновей своихъ:
«А встаньте, пробудитесь добры молодцы,
А девять сыновъ, ясны соколы!
Вы подите въ подвалы глубокіе,
Берите мои золотые ключи,
Отмыкайте мои окованные ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкой дворъ,
И встрѣчайте удала добра молодца;
А ѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
Отца-то вашаго въ торокахъ [1] везетъ».
А и тутъ ея девять сыновей закорилися,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не идутъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Съ тѣми носами желѣзными—

---

1. Тороки-мѣшокъ, сума.

Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому
И бросалась молода Соловьева жена,
А и молится, убивается:
«Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
Бери ты у насъ золотой казны, сколько надобно,
Отпусти Соловья разбойника,
Не вози Соловья во Кіевъ градъ».
А его-то дѣти Соловьевы
Не учтиво они поговариваютъ,—
Только они и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго.—
И стегаетъ Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ—
Какъ бы конь подъ нимъ осержается—
Побѣжалъ Илья, какъ соколъ летитъ;
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ,
Среди двора княженецкаго,
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу.
И шелъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею—
На всѣ четыре стороны.
У великаго князя Владиміра

У него князя почестной пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ могучихъ богатырей;
И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина въ полтора ведра;
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ!
Говорилъ ему ласковой Владиміръ князь:
«Ты скажись молодецъ, какъ именемъ зовутъ,
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По отечеству пожаловати».
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичь:
«А ты ласковой, стольной Владиміръ князь!
А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь;
И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
Изъ стольнаго города съ Мурома,
Изъ того села Корочаева».
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
«А ласково солнце, Владиміръ князь!
Въ очахъ дѣтина завирается,
А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею,
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья разбойника».
Говоритъ Илья Муромецъ:
«Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь!
Посмотри мою удачу богатырскую;

Вонъ я привезъ Соловья разбойника на двор
къ тебѣ».
И въ ту пору Илья Муромецъ
Пошелъ съ великимъ княземъ на широко
дворъ,
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили тутъ князи, бояре,
Все русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичь,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичь,
Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залеманы,
И еще два брата Хапиловы.—
Только было у князя ихъ тридцать молодцовъ.
Выходилъ Илья на широкой дворъ
Ко тому Соловью разбойнику,
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
«Ты послушай меня, Соловей разбойникъ
младъ!
Посвисти Соловей по соловьиному,
Пошипи змѣй по змѣиному,
Зрявкай звѣрь по туриному—
И потѣшь князя Владиміра».
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по змѣиному,

Онъ въ третье зрявкаетъ по туриному;
А князи и бояре испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе.
И надѣлалъ онъ бѣды несносныя:
Гостинны кони съ двора разбѣжалися, —
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Съ душой княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковой Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка намъ не надобна»!

—

V.

Садковъ корабль на морѣ сталъ [1]

—

Какъ по морю, морю синему,
Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей единъ соколъ корабль
Самаго Садки, гостя богатаго.
А всѣ корабли что соколы летятъ,
А соколъ корабль на морѣ стоитъ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«А ярыжки [2] вы, люди наемные,

1. Кирша, стр. 337.

2. Ярыжка (старинное слово) нижній служитель.

А наемные люди подначальные,
А въ мѣсто всѣ вы собирайтеся,
А и рѣжте жеребья вы тяжелые,
И всякъ напиши имя свое,
И бросайте вы ихъ на сине море».
Садко самъ бросилъ хмѣлевое перо,
А на немъ-то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:
«А ярыжки, люди вы наемные,
Слушайте рѣчи праведныя!
А бросимъ мы ихъ на сине море,
Которые по верху поплывутъ,
Тѣ будутъ душеньки правыя;
А которые въ морѣ потонутъ,
Мы тѣхъ сбросимъ во сине море».
Вотъ всѣ жеребья по верху плывутъ,
Какъ ярые гоголи [1] по заводямъ;
Единъ жеребій въ морѣ тонетъ,
Въ морѣ тонетъ хмѣлевое перо
Самаго Садки, гостя богатаго.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Вы ярыжки, люди наемные,
Наемные люди подначальные!
А вы рѣжте жеребья вѣтлявые, [2]

1. Гоголь—птица, родъ утки.

2. Вѣтлявий-ласковий, милий, Обл. сл. ветла—дерево.

А пишите всякъ свои имена,
А сами къ нимъ приговаривай:
А которые жеребьи во морѣ тонутъ,
А и то бы душеньки правыя».
А и Садко-то бросилъ жеребій булатный.
Синяго булату вѣдь заморскаго,
Вѣсомъ-то жеребій въ десять пудъ:
И всѣ жеребьи во морѣ тонутъ,
Единъ жеребій по верху плыветъ
Самаго Садки, гостя богатаго!
Говоритъ тутъ Садко купецъ, богатый гость:
«Вы ярыжки, люди наемные,
Наемные люди, подначальные!
Я Садъ-Садко, знаю, вѣдаю,
Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
Тому царю заморскому
Не платилъ я дани, пошлины,
И во то сине море
Хлѣба съ солью не опускивалъ:—
По меня Садку смерть пришла.
И вы купцы, гости богатые,
А вы цѣловальники любимые,
А и всѣ прикащики хорошіе,
Принесите шубу соболиную».
И скоро Садко наряжается,
Беретъ онъ гусли звончаты

Съ хорошими струнами золотыми,
И беретъ онъ шахматницу дорогу
Съ золотыми тавлеями [1].
Спускали сходню серебряную
Подъ краснымъ золотомъ;
И шелъ Садко купецъ, богатый гость,
Спускался онъ на сине море,
Садился на золотую шахматницу;
А ярыжки, люди наемные,
Наемные люди, подначальные
Утащили сходню серебряну,
И серебряну подъ краснымъ золотомъ,
Утащили ее на соколъ корабль.
Садко остался на синемъ морѣ,
А соколъ корабль по морю пошелъ.
И всѣ корабли, какъ соколы летятъ,
А одинъ корабль по морю бѣжитъ,
Какъ бѣлъ кречетъ [2],
Самаго Садки, гостя богатаго.
Отца, матери молитвы великія,
И его Садки, гостя богатаго:
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, гостя богатаго;
Не видалъ Садко купецъ, богатый гость,

1. Тавлея (старинное слово) игральныя кости.
2. Кречетъ—птица.

Ни горы, не берегу;
Понесло его Садку къ берегу,
Онъ и самъ Садко тутъ дивуется.
Выходилъ Садко на круты берега,
Пошелъ Садко подлѣ синя моря,
Нашелъ онъ избу великую,
А избу великую во все дерево;
Нашелъ онъ двери—и въ избу пошелъ.
И лежитъ на лавкѣ царь морской:
«А и гой еси ты, купецъ, богатый гость!
А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ,
Я ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ;
Поиграй Садко въ гусли ты звончаты».
И сталъ Садко царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты;
А и царь морской зачалъ скакать, зачалъ плясать—
И того Садку, гостя богатаго,
Напоилъ питьями разными.
Напивался Садко питьями разными,
И развалялся Садко, и пьянъ онъ сталъ,
И уснулъ Садко купецъ, богатый гость;
А во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему,
Говоритъ ему таковы рѣчи:
«Гой еси ты, Садко купецъ, богатой гость!

А рви ты свои струны золоты,
И бросай ты гусли звончаты,
Разплясался у тебя царь морской;
Синее море всколебалося,
А быстрыя рѣки разливалися,
Топятъ много кораблей,
Топятъ души напрасныя
Того народу православнаго».
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Изорвалъ онъ струны золоты,
И бросаетъ гусли звончаты;
Пересталъ царь морской скакать и плясать:
Утихло море синее,
Утихли рѣки быстрыя.
А по утру сталъ тутъ царь морской
Онъ сталъ Садку уговаривать,
А и хочетъ царь Садку женить,
И привелъ ему тридцать дѣвицъ.
Николай ему во снѣ наказывалъ:
«Гой еси ты, купецъ, богатый гость!
А станетъ тебя женить царь морской,
Приведетъ онъ тридцать дѣвицъ;
Не бери ты изъ нихъ хорошую, бѣлую, ру-
мяную,
Возми ты дѣвушку поваренную,
Поваренную, которая хуже всѣхъ».
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,

Онъ думался, не продумался,
И беретъ онъ дѣвушку повареннную,
Которая дѣвушка похуже всѣхъ.
А и тутъ царь морской
Положилъ Садку на подклѣтѣ спать. —
И ложился онъ съ новобрачною;
Николай во снѣ Садкѣ наказывалъ:
Не обнимай жену, не цѣлуй ее.
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Съ молодой женой въ подклѣтѣ спитъ
Свои рученьки къ сердцу прижалъ;
Съ полуночи, въ просоньи ногу лѣвую
Накинулъ онъ на молоду жену.
Ото сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ [1],
А лѣвая нога въ Волхъ рѣкѣ.
И вскочилъ Садко, испугался онъ,
Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго,
Перекрестился крестомъ своимъ.
И глядитъ Садко по Волхъ рѣкѣ:
Отъ того синя моря великаго
По славной матушкѣ Волхъ рѣкѣ,

---

1. Новый-городъ, или Новгородъ лежитъ на Волховѣ; теперь онъ незначительный губернскій городъ; но встарину онъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ торговыхъ городовъ Руси. Онъ столькоже древенъ, какъ и Кіевъ.

Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей,
Единъ корабль самаго Садки, гостя богатаго.
И встрѣчаетъ Садко купецъ, богатый гость,
Цѣловальниковъ любимыхъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ;
И тутъ Садко поклоняется:
«Здравствуйте мои цѣловальники любимые
И прикащики хорошіе»!
И тутъ Садко купецъ, богатой гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможню положилъ
Казны своей сорокъ тысячей,—
По три дня не осматривали.

VI.

Садко богатый гость [1]

По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ
А гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой надъ собой притки [2]
И скорби Садко не видывалъ,
А все молодецъ во здоровьи пребывалъ.
Захотѣлось молодцу побывать въ Новѣ-городѣ,
Отрѣзалъ хлѣба великой кусокъ,

---

1. Кирша, стр. 222.

2. Притка—непредвидѣнный несчастный случай.

А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка, Волга рѣка!
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой,
И въ добромъ здравіи отъ тебя отошелъ;
А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать».
Проговоритъ ему матка Волга рѣка:
«А и гой еси, удалой доброй молодецъ!
Когда придешь ты въ Новгородъ,
А стань ты подъ башню проѣзжую,
Поклонися отъ меня брату моему
А славному озеру Ильменю».
Въ ту пору Садко молодецъ отошедъ поклонился,
Подошелъ къ Нову-городу
И будетъ онъ у той башни проѣзжей,
Подлѣ славнаго озера Ильменя,
Правитъ челобитье великое
Отъ тоя-то матки Волги рѣки,
Говоритъ таково слово:
«А и гой еси, славной Ильмень озеро!
Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ».
Говорилъ самъ и кланялся.
Малое время замѣшкавши,
Приходилъ тутъ отъ Ильмень озера
Удалой доброй молодецъ,
Поклонился ему добру молодцу:

«Гой еси, съ Волги удалъ молодецъ!
Какъ ты-де Волгу сестру знаешь мою»?
А и тотъ молодецъ Садко отвѣтъ держитъ:
«Что де я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ,
Съ вершины знаю и до устья ее
И до нижняго царства Астраханскаго».
А сталъ тотъ молодецъ наказывати,
Которой посланъ отъ Ильмень озера:
«Гой еси ты, съ Волги удалъ молодецъ!
Проси бошлыковъ въ Новѣ-городѣ
Ихъ со тремя неводами,
И съ тѣми людьми со работными,
И заметывай ты неводы во Ильмень озеро:
Что будетъ тебѣ Божья милость».
Шелъ онъ молодецъ
Ко тѣмъ бошлыкамъ Новогороскимъ;
И пришелъ онъ, самъ кланяется,
Самъ говоритъ таково слово:
«Гой вы еси, бошлыки, добры молодцы!
А и дайте мнѣ тѣ три невода,
Со тѣми людьми со работными,
Рыбы половити во Ильменѣ озерѣ:
Я вамъ молодцамъ за труды заплачу».
А и въ ту пору бошлыки не отказывали;
Сами пошли бошлыки со работными людьми,
И закинули три невода во Ильмень озеро.
Первый неводъ къ берегу пришелъ,

И тутъ въ немъ рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая;
И другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ,
Въ немъ-то рыба красная;
А третій неводъ къ берегу пришелъ,
Въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая,
Бѣлая рыба въ три четверти.
Перевозился Садко на гостинный дворъ
Съ тою рыбою ловленою:
А и перву рыбу перевозили всю,
Клали они рыбу въ погребы;
Изъ другаго же невода онъ въ погребъ же возилъ,
То была рыба все красная;
Изъ третьяго невода возили они
Въ тѣже погребы глубокіе,
Запирали они погребы накрѣпко,
Ставили караулы на гостинномъ на дворѣ.
А и отдалъ тутъ молодецъ тѣмъ бошлыкамъ
За ихъ за труды сто рублей.
А не ходитъ Садко на тотъ на гостинной дворъ по три дни,
На четвертой день погулять захотѣлось:
А и въ первой погребъ заглянетъ онъ;
А на силу Садко тутъ двери отворитъ,
Котора была рыба мелкая,
Тѣ-то вѣдь стали деньги дробныя;

И скоро Садко опять запираетъ.
А въ другомъ погребу заглянулъ онъ,
Гдѣ была рыба красная,
Очутились у Садки, червонцы лежатъ.
Въ третьемъ погребу заглянулъ Садко,
Гдѣ была рыба бѣлая,
А и тутъ у Садки все монеты лежатъ.
Въ ту пору Садко купецъ, богатый гость,
Сходилъ Садко на Ильмень озеро,,
А бьетъ челомъ, поклоняется:
«Батюшко мой, Ильмень озеро!
Поучи меня жить въ Новѣ-городѣ».
А и тутъ ему говорилъ Ильмень озеро:
«А и гой еси, удалой доброй молодецъ!
Поводись ты съ людьми со таможенными,
А и только про ихъ ты обѣдъ доспѣй,
Позови молодцовъ посадскихъ [1] людей,
И станутъ тебя знать и вѣдати».
Тутъ молодецъ догадается,
Сдѣлалъ обѣдъ про таможныхъ людей;
И сталъ онъ водиться со посадскими людьми.
И будетъ во Новѣ-городѣ
У того ли Николы Можайскаго;
Тѣ мужики Новгородскіе сходилися

---

1. Посадскій-житель посада; тоже, что теперь мѣщанинъ.

На братчину [1] Никольщину,
Начинають пить брагу, пива ячныя [2]:
И пришелъ тутъ къ нимъ удалой доброй молодецъ,
Бьетъ челомъ, поклоняется:
«А и гой вы еси, мужики Новгородскіе,
Примите меня въ братчину, Никольщину,
А и я вамъ сыпь [3] плачу немалую».
А и тѣ мужики Новгородскіе
Примали его во братчину Никольщину;
Далъ молодецъ имъ пятьдесятъ рублей.
А и зачали пить пива ячныя,
Напивались молодцы уже до пьяна—
А и съ хмѣлю тутъ Садко захвастался:
«А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
Припасите вы мнѣ товаровъ въ Новѣ-городѣ,
По три дни и по три уповодa, [4]
Я выкуплю тѣ товары по три дни, по три уповода,
Не оставлю товаровъ ни на денежку,
Ни на малую разную полушечку;
А то коли я товары не выкуплю,

1. Братчина (старинное слово) семейное или общественное пиршество.

2. Ячныя—изъ ячменя.

3. Сыпь—зерновый хлѣбъ разнаго рода.

4. Особенное измѣреніе времени, употребляемое крестьянами во время жатвы.

Заплачу казны вамъ сто тысячей».
А и тутъ мужики Новгородскіе
Тѣ-то рѣчи его записывали.
А и выпили брагу, пива ячныя,
И заставили Садку ходить по Нову-городу
Закупати товары въ Новѣ-городѣ
Тою ли цѣною повольною.
А и ходитъ Садко по Нову-городу,
Закупаетъ онъ товары повольною цѣной:
Выкупилъ товары въ Новѣ-городѣ,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малую разную полушечку.—
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце,
А и шедъ Садко Божій храмъ соорудилъ
А и во имя Стефана Архидіакона:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстныя иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко другой день по Нову-городу,
Въ Новѣ-городѣ товару больше стараго:
Онъ выкупилъ товары и во второй день,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малую разну полушечку.—
И вложилъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце,

Шелъ Садко Божій храмъ соорудилъ
А и во имя Софіи премудрыя;
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстныя иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ
усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко и третій день,
И третій день по Нову-городу,
Въ Новѣ-городѣ товару больше стараго,
Всякихъ товаровъ заморскихъ:
Онъ выкупилъ товары въ половину дня,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малую разную полушечку,
Много у Садки казны осталося.
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце,
Шелъ Садко Божій храмъ соорудилъ.
Во имя Николая Можайскаго:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстныя иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ
усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко и четвертый день,
Ходилъ Садко по Нову-городу,
И цѣлый день онъ до вечера,
Не нашелъ онъ товаровъ въ Новѣ-городѣ

Встрѣчу имъ гости корабельщики:
«Здравствуй Василій Буслаевичь!
Куда молодецъ изволишь идти»?
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичь:
«Гой еси вы, гости корабельщики!
А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
Съ молоду много бито, граблено.
Подъ старость надо душу спасти;
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
Ко святому граду Іерусалиму»!
Отвѣчають ему гости корабельщики:
«А и гой еси, Василій Буслаевичь!
Прямымъ путемъ во Іерусалимъ градъ
Бѣжать семь недѣль,
А окольной дорогой полтора года.
На славномъ морѣ Кайспійскомъ,
На томъ островѣ на Куминскомъ,
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ атаманы казачіе,
Не много, не мало ихъ—три тысячи;
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли».
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичь:
«А невѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ
А и вѣрую въ свой червленой вязъ; [1]

---

1. Червленный—темнокрасный цвѣтъ; вязъ, дерево.

Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей,
Единъ корабль самаго Садки, гостя богатаго.
И встрѣчаетъ Садко купецъ, богатый гость,
Цѣловальниковъ любимыхъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ;
И тутъ Садко поклоняется:
«Здравствуйте мои цѣловальники любимые
И прикащики хорошіе»!
И тутъ Садко купецъ, богатой гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможню положилъ
Казны своей сорокъ тысячей,—
По три дня не осматривали.

А кто-де у каменя станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будетъ буйну голову.
Василій тому не вѣруетъ,
Приходилъ со дружиною храброю;
Стали молодцы забавлятися,
Поперегъ того камню поскакивати,
А вдоль то его не смѣють скакать.
Пошли со горы Сорочинскія,
Сходятъ они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому
На ту на заставу корабельную,
Гдѣ-то стоятъ козаки разбойники,
И стары атаманы казачіе;
На пристани ихъ стоятъ сто человѣкъ.
А и молодой Василій на пристань сталъ;
Сходни бросали на крутъ бережокъ,—
И скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ,
Червленнымъ вязомъ подпирается.
Тутъ караульщики, удалы добры молодцы,
Всѣ на караулѣ испугалися;
Много его не дожидалися,
Побѣжали съ пристани корабельныя
Къ тѣмъ атаманамъ казачьимъ.
Атаманы сидятъ, не дивуются,

Сами говорятъ таково слово:
«Стоимъ мы на острову тринадцать лѣтъ,
Не видали страху великаго,
Это-де идетъ Василій Буслаевичь;
Видна полетка соколиная,
Видна поступка молодецкая».
И шелъ-то Василій съ дружицою,
Гдѣ стоятъ атаманы казачіе;
Пришли они, стали во единый кругъ.
Тутъ Василій имъ кланяется,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вздравствуйте, атаманы казачіе!
А скажите вы мнѣ прямаго пути
Ко святому граду Іерусалиму».
Говорятъ атаманы казачіе:
«Гой еси Василій Буслаевичь!
Милости просимъ за единой столъ хлѣба кушати»!
Въ ту пору Василій не ослушался,
Садился съ ними за единой столъ;
Наливали ему чару зеленаго вина въ полтора ведра,
Принимаетъ Василій единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полу ведру пить.—
И хлѣба съ солью откушали,

Сбирается Василій Буслаевичь
На свой червленъ корабль;
Даютъ ему атаманы казачіе подарки свои:
Перву мису чиста серебра,
И другую красна золота,
Третью скатнаго жемчуга.
За то Василій благодаритъ и кланяется,
Проситъ у нихъ до Іерусалима вожатаго.
Тутъ атаманы Василью не отказывали
Дали ему молодца провожатаго,
И сами съ нимъ прощалися.
Собрался Василій на свой червленъ корабль
Со своею дружиною храброю;
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому.
Будутъ они во Іордань рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Шелъ тутъ Василій Буслаевичь,
Со своею дружиною храброю,
Во Іерусалимъ градъ;
Пришелъ въ церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буславьевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всемъ родѣ своемъ;

На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Что съ молоду много бито, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Имъ даетъ золотой казны не считаючи.
И идетъ Василій къ дружинѣ
Изъ Іерусалима на свой червленъ корабль;
Въ ту пору его дружина храбрая
Купалася въ Іорданѣ рѣкѣ;
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Іорданѣ рѣкѣ?
И не кому купаться, кромѣ Василья Буслаевича.
Въ Іорданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ;
Потерять вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича»!
И они говорятъ таково слово:
«Нашъ Василій тому не вѣруетъ, ни въ сонъ, [illegible] въ чохъ».
И мало время поизойдучи, и [illegible]

Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Іордань рѣки;
Подняли тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому,
Приставали у острова Куминскаго.
Приходили тутъ атаманы казачіе:
«Здравствуй Василій Буслаевичь!
Здорово ли съѣздилъ во Ерусалимъ градъ»?
Много Василій съ ними не разговариваетъ,
Подалъ письмо въ руку имъ,
Что много трудовъ за нихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами за нихъ молодцевъ.
Въ ту пору атаманы казачіе
Звали Василья обѣдати,
И онъ не пошелъ къ нимъ;
Прощался со всѣми тѣми атаманами казачьими;
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому къ Нову-городу.
А и ѣдутъ недѣлю сподряду,
А и ѣдутъ уже другую;
И завидѣлъ Василій гору высокую.
Захотѣлось Василью на горѣ побывать;
Приставали къ той высокой горѣ,

Сходни бросали на ту гору.
Пошелъ Василій съ дружиною
И будетъ онъ въ полгоры,
И на пути лежитъ пустая голова, человѣчья
кость,
Пнулъ Василій ту голову съ дороги прочь;
Повѣщится пустая голова:
«Гой еси ты, Василій Буслаевичь!
Къ чему меня голову попинываешь,
И къ чему побрасываешь?
Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
Да умѣю валяться на этой горѣ;
Гдѣ лежитъ пустая голова,
Лежать будетъ и Васильевой головѣ».
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.
Взошелъ на гору высокую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ него только топоромъ подать [1]
Въ долину три аршина съ четвертью;
И тутъ подпись подписана:
А кто де у камня станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,

---

1. Встарину, до появленія теперешнихъ мѣръ, измѣряли: топоромъ, обхватомъ; большую длину—бросаніемъ стрѣлъ, каменьевъ; длину дороги—днями ходьбы.

Сломить будетъ буйну голову.
Василій тому не вѣруетъ;
Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперегъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
И недоскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.
Побѣжала дружина съ той высокой горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали къ Нову-городу;
И будутъ у Новагорода,
Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ, не шатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ, къ Амелөѣ Тимоөеевнѣ,
Пришли и поклонилися,
Письмо ей въ руки подали,
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;
Подите въ подвалы глубокіе,

Берите золотой казны не считаючи».
Повела ихъ дѣвушка чернавушка [1]
Къ тѣмъ подваламъ глубокимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
«Спасибо, матушка Амелѳа Тимоѳеевна!
Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцевъ».
Въ ту пору матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
Подноситъ дѣвушка чернавушка
Тѣмъ удалымъ молодцамъ;
И выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

---

1. Чернавушка—женщина съ черными волосами или бровями.

VIII.

Отчего перевелись витязи на святой руси.[1]

—

Выѣзжали на Сафатъ-рѣку на закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ:
Выѣзжалъ Годенко Блудовичь, да Василій Казиміровичь, да Василій Буслаевичь,—
Выѣзжалъ Иванъ гостинной сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичь младъ,
Выѣзжалъ Добрыня молодецъ,

1. Превосходное преданіе, изъ устъ сибирскаго казака, помѣщенное у Мея (стихотв. стр. 241—250.)

Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ, кряковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужь какъ первая дорога къ Нову-городу,
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву,
А что третья-то дорога къ синю морю дале-
кому.
Та дорога прямоѣзжая, прямоѣзжая дорога,
прямопутная;
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣлъ полотнянъ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чисту полю.
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотою уздечкой побрякиваютъ,
А въ шатрѣ полотняномъ витязи опочивъ дер-
жатъ.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.

Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой бѣлъ-полот-
нянъ шатеръ:
Въ томъ ли шатрѣ залегъ татарченокъ,
Злой татаринъ—бусарманченокъ,—
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня:
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельце черкасское,
Бралъ копьеце урзамецкое,
Бралъ чингалище булатное,—
И садился на добра коня.
Подъ Добрышей конь осержается:
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
Выскоки мечетъ по сѣнной копнѣ.
Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
«Выходи-ка, татарченокъ, злой татаринъ-бусар-
манченокъ:
Станемъ мы съ тобой честный бой держать».
Въ ту пору выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
и садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися,
Слеталися—сходилися два удалые витязя....

Ломалися копья ихъ острыя,
Разлеталися мечи ихъ булатные,
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И схватались въ рукопашный бой.
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула,—
И валится онъ на сыру землю.
Скакалъ ему татаринъ на бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.
Было такъ на восходѣ краснаго солнушка,
Вставалъ Алеша Поповичь раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу:
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланный и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только не веселъ,—
Потупилъ очи во сыру землю:
Знать тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ-ли Добрынѣ-молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня;
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной копнѣ.

Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася—
Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася—
Засинѣлись мечи булатные;
Что не красъ во поляхъ закраснѣлася—
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру—
У того-ли шатра спитъ Добрыня молодецъ.
Очи ясныя закатилися,
Руки сильные опустилися.
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
«Вылѣзай-ка ты татаринъ злой,
На честной бой, на побраночку».
Отвѣчаетъ ему татарченокъ:
—«Охъ-ты гой еси, Алеша Поповичь младъ,
Ваши роды не уклончивы,
Не уклончивы ваши роды, не устойчивы—
Что не стать тебѣ со мной бой держать».
Возговоритъ на то Алеша Поповичь младъ:
«Не хвались на пиръ идучи,
А хвались съ пиру идучи»!
Въ ту пору выходитъ татаринъ изъ бѣла-шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися,—
Сходилися, слеталися два удалые витязя,

Ломалися копья ихъ острыя,
Разлеталися мечи ихъ булатные:
И сходили они со добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой.
Одолѣлъ Алеша татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлой груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ не взялся черный воронъ
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
«Охъ-ты гой еси, Алеша Поповичь младъ!
Ты послушай меня, чернаго ворона:
Не пори ты татарину бѣлыхъ грудей,
А слетаю я на сине море,
Принесу тебѣ мертвой и живой воды:
Вспрыснешь Добрыню живой водой,
Тутъ и очнется добрый молодецъ»....
Вь ту пору Алеша ворона послушался,
И леталъ воронъ на сине море,
Приносилъ мертвой и живой воды.
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой—
Сросталося тѣло его бѣлое,
Затягивалися раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой—
Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна—
Отпускали они татарина.

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ онъ: черезъ Сафатъ-рѣку
Переправляется сила басурманская,
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
«Ой, ужь гдѣ вы, могучіе витязи,
Удалые братья названные»?
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ, сколько добрые кони ихъ топчутъ.
Бились три часа и три минуточки—
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
«Не намахалися наши плечи могучія,
Не уходилися наши кони добрые,
Не притупились мечи наши булатные»!
И говоритъ Алеша Поповичь младъ:

«Подавай намъ силу нездѣшнюю,—
Мы съ тою силою, витязи, справимся»!
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и слетѣли двое воителей;
И вѣщали они громкимъ голосомъ:
«А давайте съ нами, витязи, бой держать,—
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро».
Не узнали витязи воителей.
Разгорался Алеша Поповичь на ихъ слова,
Поднялъ онъ копя борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро-и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились па силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить....
А сила все ростетъ—да ростетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ....
Не столько витязи рубять,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ ...
А сила все ростетъ—да ростетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ....

Бились витязи три дня, три часа, три минуточки;
Намахалися ихъ плечи могучія,
Уходилися кони ихъ добрые;
Притупились мечи ихъ булатные....
А сила все ростетъ да ростетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ....
Испугались могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры....
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ.
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси!...

—

IX.

Калинъ царь.[1]

Да изъ Орды, Золотой земли,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ, царь Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;
Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.

---

1. Кирша, стран. 242.

За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго,
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
И выбралъ татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ татаринъ трехъ сажень,
Голова на татаринѣ съ пивной котелъ,
Которой котелъ сорока ведръ,
Промежъ плечами косая сажень;
Отъ мудрости слово написано:
Что возметъ Калинъ царь стольной Кіевъ градъ,
А Владиміра князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.
Даетъ тому татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ,

Середи двора княженецкаго
Соскакивалъ татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Бѣжитъ онъ во гридню, во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
Предъ Великаго князя Владиміра.
Отошедъ татаринъ слово выговорилъ:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
А на скорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
Безъ бою, безъ драки великія,
И безъ того кровопролитья напраснаго».
Владиміръ князь запечалился,
А на скорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлычки заплакалъ онъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося;
Богатырей въ Кіевѣ не случилося,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ;
А съ Калиномъ силы написано
Ни много ни мало—на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ.

Подъ всякимъ царемъ силы по три тмы[1] по
три тысячи,
По праву руку его зять сидитъ;
А по лѣвую руку сынъ сидитъ.—
И то у нихъ дѣло не окончено,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ.
Въ ту пору Василій пьяница
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатой,
Калену стрѣлу перену̀ю,
Наводилъ онъ трубками нѣмецкими,
А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ царь—
И тотъ-то Василій пьяница
Стрѣлялъ онъ тутъ во Калина царя,
Не попалъ во собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его—
Угодила стрѣла ему въ правой глазъ;
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрѣзили,
Убили зятя любимаго
Съ тоя башни со стрѣльныя.
Посылалъ другаго татарина

---

1. Тма—десять тысячъ.

Къ тому князю Владиміру,
Чтобы выдалъ виноватаго.
А мало время замѣшкавши
Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясной соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлой кречетъ перепархиваетъ,
Бѣжитъ старой казакъ Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ онъ во стольной Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго
Соскочилъ Илья со добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Идетъ во гридню во свѣтлую;
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею,
И на всѣ четыре стороны;
А самъ Илья усмѣхается:
«Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ?
Что за дуракъ неотесаной»?
Владиміръ князь стольной Кіевской
Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ;
Говорилъ тутъ ему Владиміръ князь:
«Гой еси, Илья Муромецъ!
Пособи мнѣ думушку подумати,
Сдать ли мнѣ, не сдать ли Кіевъ градъ,
Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,

Безъ того кровопролитья напраснаго»?
Говоритъ Илья таково слово:
«Владимиръ князь стольной Кіевской!
Ни о чемъ ты, государь, не печалуйся:
Боже Спасъ оборонитъ насъ,
А не что, Пречистый и всѣхъ сохранитъ.
Насыпай ты мису чиста серебра,
Другую красна золота,
Третью мису скатнаго жемчуга;
Поѣдемъ со мной ко Калину царю,
Со своими честными подарками,
Тотъ татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ».
Наряжался князь тутъ поваромъ;
Замарался сажею котельною;
Поѣхали они къ Калину царю.
А прямо ихъ татаринъ въ лагери ведетъ.
Пріѣхалъ Илья къ Калину царю
Въ его лагери татарскіе:
Соскочилъ Илья со добра коня,
Калину царю поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
«А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичъ!
Прими наши дороги подарочки
Отъ великаго князя Владиміра;
Перву мису чиста серебра,
Другую красна золота,
Третью мису скатнаго жемчуга;

А дай ты намъ сроку на три дня,
Въ Кіевѣ намъ пріуправиться,
Отслужить обѣдни съ панихидами
Какъ-де служатъ по усопшимъ душамъ,
Другъ съ дружкой проститися».
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
«Гой еси ты, Илья Муромецъ!
Выдайте вы намъ виноватаго,
Который стрѣлялъ съ башни со стрѣльныя,
Убилъ моего зятя любимаго».
Говорилъ ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
Прими наши подарочки
Отъ великаго князя Владиміра.
Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ от-
дать»?
И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Нечестно у него, самъ прибраниваетъ.
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не далъ сроку на три дни и на три часа,
Говорилъ таково слово:
«Собака, проклятой ты Калинъ царь!
Отойди съ татарами отъ Кіева;
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть»?—
И тутъ Калину за бѣду стало,
Велѣлъ татарамъ схватить Илью;
Связали ему руки бѣлыя

Во крѣпки чембуры шелковые.
Въ ту пору Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ онъ таково слово:
«Собака, проклятой ты Калинъ царь!
Отойди прочь съ татарами отъ Кіева;
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть»?
И тутъ Калину за бѣду стало—
И плюетъ онъ Ильѣ во ясны очи:
«А русской людъ всегда хвастливъ,
Опутанъ весь, будто лысой бѣсъ,
Еще ли стоитъ передо мной, самъ хвастаетъ».
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ полдрева стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ;
Не допустятъ Илью до добра коня,
И до его-ли до палицы тяжкія,
До мѣдны литы въ три тысячи.
Схватилъ Илья татарина за ноги,
Который ѣздилъ во Кіевъ градъ,
И зачалъ татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ—съ переулками,
А самъ татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ татаринъ, не ломится,
А жиловатъ, собака, не изорвется».

И только Илья слово выговорилъ,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та глава силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;
Остальные татара на побѣгъ пошли,
В болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,
О[illegible]ли свои возы и лагери.
Воротился Илья онъ ко Калину царю,
Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
«Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ».
Согнетъ его корчагою,
Поднималъ выше головы своей,
Ударилъ его о горючь камень,
Расшибъ его въ крошечки.
Остальные татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
«Не дай Богъ намъ бывать во Кіевѣ,
Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей!
Не ужто въ Кіевѣ всѣ таковы,
Одинъ человѣкъ всѣхъ татаръ прибилъ»?
Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья пьяницу Игнатьева;

И скоро нашелъ его на кружалѣ[1] Петровскомъ,
Привелъ ко князю Владиміру—
А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Василіемъ со пьяницей,
И называетъ Илья того пьяницу
Василья братомъ названнымъ.—
То старина, то и дѣянье.

---

1. Кружало—кабакъ, питейной домъ.

X.

Щелканъ Дудентьевичъ [1].

А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой,
На стулѣ золотомъ,
На рыто[illegible]архатѣ,
На червча[illegible][2] камкѣ [3],
Сидитъ тутъ царь Азвякъ;
Суды разсуживаетъ

---

1. Изъ Сб. Кирши стр. 31.
2. Червчатый—червленный, багровый.
3. Камка—шелковая китайская ткань съ разводами.

И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По тѣмъ Татарскимъ головамъ.
Шурьевъ царь дарилъ
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не жаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія.
Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возметъ;
У котораго дитяти нѣтъ,

Двумя удалыми Борисовичами.
И въ тѣ поры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А не много онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками—
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Въ ту пору младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загордынился,
И они съ нимъ раздорили—

Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалася.—

—

XI.

Татарскій полонъ [1].

Какъ за рѣкою,
Да за великою;
Злы татарове
Дуванъ дуванили.
На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Вотъ повезъ тещу зять
Во дикую степь;
Во дикую степь

---

1. Отечеств. записки, Апрѣль 1860 г. стр. 79—82.

Къ молодой женѣ.
«Ну и вотъ, жена,
«Тѣ работница,
«Съ Руси русская
«Полоняночка.
«Ты заставь ее
«Три дѣла дѣлати,
«Первое дѣло—
«Куделю прясть,
«Другое дѣло—
«Лебедей стеречь,
«А и третье дѣло—
«Дитю качать»!
Полоняночка
Съ Руси русская,
Она глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышетъ
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
«Ты баю, баю,
«Боярской сынъ!
«Ты по батюшкѣ
«Золъ татарченокъ,

«А по матушкѣ
«Ты русеночекъ,
«А по роду мнѣ
«Ты внученочекъ
«И моихъ черевъ
«Ты урывочекъ.
«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь,
«Семи лѣтъ она
«Во полонъ взята,
«У ней на правой груди
«Есть родинка,
«На лѣвой ногѣ,
«Нѣтъ мизинчика!
«Мнѣ бить тебя—
«Такъ грѣхъ будетъ;
«Мнѣ дитей назвать—
«Мнѣ вѣра не та»!
Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ,
«Государыня
«Наша барыня!
«Полоняночка
«Съ Руси русская
«Она глазками

«Лебедей стережетъ,
«А ручками
«Кудель прядетъ,
«А ножками
«Колыбель колышетъ.
«Охъ качаетъ дитя,
«Прибаюкиваетъ:
«Ты баю, баю
«Боярской сынъ!
«Ты по батюшкѣ
«Золъ татарченокъ,
«А по матушкѣ
«Ты русеночекъ,
«А по роду мнѣ
«Ты внученочекъ
«И моихъ черевъ
«Ты урывочекъ.
«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь,
«Семи лѣтъ она
«Во полонъ взята,
«На правой груди у ней
«Есть родинка,
«На лѣвой ногѣ
«Нѣтъ мизинчика!
«Мнѣ бить тебя—
«Такъ грѣхъ будетъ;

«Мнѣ дитей назвать—
«Мнѣ вѣра не та»!
Что стучитъ, гремитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
И дрожа дрожитъ,
Дочка къ матери!
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
«Государыня
«Моя матушка!
«Не спознала тебя,
«Моя родная!
«Ты бери ключи,
«Ключи золоты,
«Отпирай ларцы,
«Ларцы кованы,
«Ты бери казны
«Сколько надобно;
«Ты бери коня
«Что ни лучшаго.
«Ты бѣги, бѣги, мать,
«На святую Русь».
—Не поѣду я
На святую Русь,
Я съ тобой, дитя,
Не разстануся.—

——

XII.

Взятіе Казани [1]

Ужь вы люди ли, вы люди стародавніе!
Молодые молодцы послушайте,
Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича.
Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.
Что татары же по городу похаживали,
Что грозна царя Ивана Васильевича поддразнивали.

1. Отечеств. Зап. Апрѣль, 1860 г., стр. 68—69.

Что и тутъ-то нашъ грозенъ царь прикручи-
ниался,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру-мать землю,
Онъ велѣлъ-ли государь царь пушкарей сзы-
вать,
Пушкарей созывать, зажигальщичковъ,
Онъ велѣлъ сударь скоро казнить, скоро вѣ-
шати.
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить,
Воску яраго свѣча затеплилася,
Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побило татаръ сорокъ тысячей и три
тысячи.

XII.

Свадьба Грознаго [1]

Приутихло—приуныло море синее,
Глядючись—смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ [2] корабельныхъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ,
И на тѣ на круты бережки.
Приутихли-приуныли круты красны бережки,
Глядючись-смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныхъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ,

---

1. Лѣтописи, журн. издав. г. Тихонравовымъ, книга 2-я № VII.

2. Марсъ—площадка изъ досокъ или рѣшетокъ около верхняго конца мачтъ.

И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ на поля зеленыя:
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ.
Преставляется царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна:
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
«Ужь ты слушай, царь, послушай-ко,
Что я тебѣ царица повыскажу:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до младыхъ двухъ царевичей;
Когда будутъ они въ полномъ умѣ,
И въ твердомъ будутъ разумѣ,
Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Когда будутъ дѣвицы въ полномъ умѣ,
Въ полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Что я тебѣ царица повыскажу,
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ.
До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ,
И до своего ты до крестнаго батюшки,

До того Богдана Сирскагó:
И тутъ твоя дума крѣпкая!
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
И тутъ твоя сила вѣрная!
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
Что я тебѣ царица принакажу,
Принакажу и повыскажу.
Когда я, царица, преставлюся,
Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ,
На той ли на Марьѣ Темрюковнѣ;
А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,
На той Супавѣ татарскіе,
Хоть и есть у ней много приданаго,
Пановей, улановей и злыхъ поганыхъ татаровей;
Есть у ней брателко родимое,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичь».
И тутъ царица преставилась.
Тутъ царицѣ славу поютъ.
Прошло времени три мѣсяца,
Захотѣлъ сударь Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичь,

И покатился онъ въ ту ли матушку проклябту Литву,
Покатитися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки
И того Богдана Сирскаго.
Пріѣзжалъ онъ скоро въ проклятую Литву,
И бралъ онъ Марью Темрюковну
И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ
Кострюкомъ Темрюковичемъ.
Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы.
Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы,
Равномѣрныхъ верстъ пятисотенныхъ:
За сто верстъ становилъ онъ свою силу армію,
И сходилъ онъ скоро со добра коня,
И бралъ онъ чернилицу вольянскую,
И бралъ перо лебединое,
И бралъ бумагу–гербовой листъ,
И посыленъ листъ на золотъ столъ
Своему дядюшкѣ любезному
И крестному батюшкѣ Богдану Сирскому:
«Дядюшка Богданъ ты мой Сирской!
Встрѣть ты меня съ честью и радостью,
И со тѣмъ пѣтьемъ Божьимъ церковнымъ,
И со тѣмъ со звономъ колокольнымъ,
Со той пальбой пушечной»
Отправлялся его скорой гонецъ,

Скорой гонецъ и скорой посолъ.
Не встрѣтилъ его дядюшка любимый
За сто верстъ;
Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы,
За двадцать за пять верстъ, становилъ онъ
свою силу-армію,
Отправлялъ скора гонца,
Скора гонца и скора посла,
Чтобы чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
Гдѣ стоять моей силѣ арміи,
И привалилъ онъ въ матушку каменну Москву.
И не встрѣтилъ его любезный дядюшка,
И тотъ Богданъ Сирскій.
Не съ пѣтьемъ Божьимъ церковнымъ,
И не съ той пальбой пушечной.
Заѣзжалъ сударь грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
И во ту церковь Божію,
Принималъ златы вѣнцы
И со той Марьей Темрюковной.
На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ,
На всѣхъ на князей, на думныхъ бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу,
И къ западу идетъ къ закату,

А почестенъ пиръ на весело,
И всѣ въ пиру пьяны веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичь:
«Ай ты мой зятюшко любезный,
Грозенъ ты царь, Иванъ Васильевичь!
Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
Борцы-молодцы прiученые,
Какъ бы мнѣ съ ними побоpотися»?
Требовалъ сударь грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичь,
Борцовъ-молодцовъ не случилося,
Только случился Васенька хромоногенькой,
На лѣву ножку онъ припадываетъ,
По двору прихрамываетъ
И ко двору государеву придвигается,
И входитъ въ палаты царскiя!
И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичь
Своему зятю любезному:
«Чертъ у васъ, не борцы-молодцы
И не прiученые».
Говоритъ Вася хромоногенькой:
«Ай же ты сударь-таки Грозенъ царь!
Ежели Богъ пособитъ, Никола поможетъ
Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить,
И по двору его нага пустить»?

Говоритъ сударь грозенъ царь,
И грозенъ царь Иванъ Васильевичь:
«Ежели бы тебѣ Богъ помогъ,
И Никола пособилъ Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить,
И по двору нага пустить:
Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья»!
На лѣвую ножку онъ Вася, припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ,
И металъ Кострюка о кирпичной полъ,
На брюхѣ его кожа треснула,
На хребтѣ его кожа лопнула,
Изъ платья онъ его нагимъ вылупилъ.
Бралъ тутъ царь свою Марью Темрюковну,
И велъ онъ ее въ далеко чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце;
Тутъ ей и славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго,
И Богдана того Сирскаго
И женился онъ въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ на святой Руси.

—

XIV.

Никитѣ Романовичу дано село Преображенское.[1]

Да въ старые годы, прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя,
Когда воцарился царь Государь,
А грозной царь, Иванъ Васильевичь;
Что взялъ онъ царство Казанское,
Татарскаго царя во полонъ полонилъ
Съ царицею съ Татарскою.
Выводилъ онъ измѣну изъ Нова-города,

1. Кирша, стр. 328.

Что взялъ Рязань, взялъ и Астрахань.
А нынѣ у царя въ каменной Москвѣ,
Что пиръ идетъ у него на веселѣ,
А пиръ идетъ про князей, про бояръ,
Про вельможъ и богатыхъ гостей,
Про тѣхъ купцевъ про Сибирскихъ.
Какъ будетъ лѣтній—етъ день въ половинѣ дня,
Смиренна бесѣдушка на веселѣ;
А всѣ тутъ князи и бояра
И всѣ на пиру напивалися,
Промежъ собою они разхвасталися:
А сильной хвастаетъ силою,
Богатой-етъ хвастаетъ богатествомъ.—
Злата труба въ царствѣ протрубила,
Проглаcилъ царь государь, слово выговорилъ:
«А глупы бояре, вы не разумные!
А всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь;
А смѣю я царь похвалитися,
Похвалитися и похвастати:
Что вывелъ измѣну я изъ Кіева,
Да вывелъ измѣну изъ Нова-города,
А взялъ я Рязань, взялъ и Астрахань».
Въ палатахъ злата труба протрубила,
Проглаcилъ въ палатахъ царевичь молодой,
Что меньшой Ѳедоръ Ивановичь:

А грозной царь, Иванъ Васильевичь!
Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ;
Что есть у насъ въ каменной Москвѣ,
Что три большіе боярина,
Три Годуновы измѣнники».
За то слово царь спохватается:
«Ты гой еси, чадо мое милое,
Что меньшой Ѳедоръ Ивановичь!
Скажи мнѣ про трехъ ты бояриновъ,
Про трехъ злодѣевъ измѣнниковъ:
Перваго боярина въ котлѣ велю сварить,
Другаго боярина велю на колъ посадить;
Третьяго боярина тотчасъ велю сказнить».
Отвѣтъ держитъ тутъ царевичь молодой,
Что меньшой Ѳедоръ Ивановичь:
«А грозный царь Иванъ Васильевичь!
Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
Про трехъ большихъ бояриновъ,
Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ;
Ты пьешь съ ними, ѣшь съ одного блюда,
Единую чашу съ ними требуешь».
То слово царю не возлюбилося,
То слово не показалося,
Не сказалъ онъ измѣнниковъ по имени;
Ему тутъ за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Вскричалъ онъ зычнымъ голосомъ:

«А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи?
Возмите царевича за бѣлы руки,
Ведите царевича со царскаго двора,
За тѣ за вороты Москворѣцкія,
За славную матушку за Москву за рѣку,
За тѣ живы мосты калиновы,
Къ тому болоту поганому,
Къ той ко лужѣ кровавыя,
Къ той ко плахѣ бѣлодубовой».
А всѣ палачи испужалися,
Что всѣ въ Москвѣ разбѣжалися;
Единъ палачь не пугается,
Единъ злодѣй выступается,
Малюта палачь, сынъ Скуратовичь.
Хватилъ онъ царевича за бѣлы ручки,
Повелъ царевича за Москву за рѣку.—
Перепахнула вѣстка нерадошна
Въ то во село въ Романовское,
Въ Романовское, во боярское,
Къ старому Никитѣ Романовичу,
Нерадошна вѣстка, кручинная:
«А и гой еси, сударь, мой дядюшка,
Ты старой Никита Романовичь!
А спишь, лежишь, опочивъ держишь?
Али тѣ Никитѣ мало можется?
Надъ собою ты невзгоды не вѣдаешь:
Упала звѣзда поднебесная,

Потухла въ соборѣ свѣча мѣстная,
Не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
А меньшаго Өедора Ивановича».
Много Никита не выспрашиваетъ,
А скоро метался на широкій дворъ,
Скричалъ онъ Никита зычнымъ голосомъ:
«А конюхи мои, проспѣшники!
Ведите поскорѣе добра коня,
Не сѣдланнаго, неузданнаго».
Скоро-де конюхи металися,
Подводятъ наскоро добра коня;
Садился Никита на добра коня,
За себя онъ Никита любимаго конюха хва-
тилъ,
Поскакалъ за матушку за Москву рѣку,
А шапкой машетъ, головой качаетъ,
Кричитъ онъ, реветъ зычнымъ голосомъ:
«Малюта палачь, сынъ Скуратовичь!
Не за свой-то кусъ ты хватаешься,
А этимъ кусомъ ты подавишься;
Не переводи ты роды царскіе»:
Говоритъ Малюта немилостивой палачь:
«Ты гой, Никита Романовичь!
А наше-то дѣло повелѣнное;
Или палачу мнѣ самому быть сказнену?
А чѣмъ окровенить саблю острую?
Что чѣмъ окровенить руки бѣлыя?

А съ чѣмъ придтить къ царю передъ очи,
Передъ его очи царскія»?—
Отвѣчаетъ Никита Романовичь:
«Малюта палачь, сынъ Скуратовичь!
Сказни ты любимаго моего конюха,
Окровени саблю острую,
Замарай въ крови руки бѣлыя;
И съ тѣмъ поди къ царю предъ очи
Передъ его очи царскія».
А много палачь не выспрашиваетъ,
Сказнилъ любимаго его конюха,
Окровенилъ саблю острую,
Замаралъ руки свои бѣлыя,
И прямо пошелъ къ царю передъ очи,
Его подмастерье голову схватилъ,
Идутъ къ царю предъ очи его царскія,
Въ его любимую крестовую.
А грозной царь Иванъ Васильевичь
Завидѣвши сабельку острую,
А острую саблю, кровавую,
Того палача немилостива;
Потомъ же увидѣлъ и голову у нихъ—
И гдѣ стоялъ, тутъ онъ и палъ;
Что рѣзвы ноги подломилися,
Что царски очи замутилися,
Что по три дня не пьетъ, не ѣстъ.—
Народъ, христіане православные,

Положили любимаго конюха
На тѣ на телѣги на ордынскія,
Привезли до Ивана Великаго,
Гдѣ кладутся цари и царевичи,
Гдѣ ихъ роды, роды царскіе.
А старой Никита Романовичь
Бралъ-то онъ царевича,
На добра коня посадилъ,
Увезъ во село свое Романовское,
Во Романовское и боярское.
Не пива ему варить, не вина курить,
А пиръ пошелъ у него на радостяхъ;
А въ трубки трубятъ по ратному,
Барабаны бьютъ по воинскому.—
У той у церкви соборныя
Сбиралися попы и дьяконы,
А всѣ вѣдь причетники церковные,
Отпѣвали любимаго конюха.
А въ ту пору пригодился царь,
А грозной царь, Иванъ Васильевичь,
А трижды земли на могилу бросилъ;
Съ печали царь по царству пошелъ,
По тѣмъ по широкимъ по улицамъ.
А тѣ бояре Годуновые
Идутъ съ царемъ, сами подмолвилися:
«Ты грозной царь, Иванъ Васильевичь!
У тебя кручина несносная,

У боярина пиръ идетъ на веселѣ,
У стараго Никиты Романовича.
А грозной царь, онъ и слишкомъ крутъ,
Послалъ посла немилостиваго,
Чтобъ взять его Никиту нечестно къ нему.
Пришелъ посолъ ко боярину въ домъ;
Взялъ Никиту, нечестно повелъ,
Привелъ къ царю предъ очи ясныя;
Не дошедъ Никита поклоняется
О праву руку до сырой земли,
А грозной царь Иванъ Васильевичь,
Онъ во правой рукѣ держитъ царской костылъ,
А въ лѣвой рукѣ держитъ царское жезло
А ткнетъ онъ Никиту въ ногу правую;
Пришибъ его ко сырой землѣ;
А самъ онъ царь приговариваетъ:
«Велю я Никиту въ котлѣ сварить;
Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить,
На колъ посадить, велю тотчасъ сказнить;
У меня кручина несносная,
А у тебя боярина пиръ на веселѣ.
Къ чему ты, Никита, въ домѣ очень радошенъ?
Или ты, Никита, какой городъ взялъ?
Или ты, Никита, корысть получилъ»?
Говорилъ онъ Никита не съ упадкою:

«Ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Не вели меня казнить, прикажи говорить:
А для того у меня пиръ на веселѣ,
Что въ трубочки трубятъ по ратному,
Въ барабаны бьютъ по воинскому,
Утѣшаютъ млада царевича,
Что меньшаго Θедора Ивановича».
А много царь не выспрашиваетъ
Беретъ Никиту за праву руку,
Пошелъ въ палаты во боярскія.
Поднебесная звѣзда ужь высоко взошла,
Въ соборѣ мѣстна свѣча затеплялася—
Увидѣлъ царевича во большомъ мѣстѣ,
Во большомъ мѣстѣ, въ переднемъ углу,
Подъ мѣстными иконами;
Беретъ онъ царевича за бѣлы ручки,
И грозный царь Иванъ Васильевичь
Цѣловалъ его во уста сахарныя;
Вскричалъ онъ царь зычнымъ голосомъ:
«А чѣмъ боярина пожаловати
А стараго Никиту Романовича?
А погребъ тебѣ злата, серебра,
Второе тебѣ питья разнаго;
А сверхъ того грамота тарханная:
Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,
А кто у жива мужа жену уведетъ
И уйдетъ во село во боярское

Ко старому Никитѣ Романовичу—
И тамъ быть имъ не въ выдачѣ».
А было это село боярское,
Что стало село Преображенское,
По той по грамотѣ тарханныя;
Оттолѣ оно слыветъ и до вѣку.

XV.

О кончинѣ Іоанна.[1]

—

Ужь ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Изъ за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?
У насъ было на святой Руси
На святой Руси—въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ—въ золотомъ кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,

---

1. Памятники великорус. нарѣчія, изд. Акад., стр. 152.

У Михайлы у Архангела,
У собора у Успенскаго
Ударяли въ большой колоколъ.
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ.
Соѣзжалися всѣ князья бояре,
Собиралися всѣ люди ратные
Во Успенской соборъ Богу молитися.
Во соборѣ-то во Успенскомъ,
Тутъ стоялъ новъ-кипарисовъ гробъ:
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь-Иванъ Грозный Василье-
вичь.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій
крестъ,
У креста лежитъ-корона его царская,
На ногахъ его вострый, грозный мечь.
Животворящему кресту-всякій молится,
Золотому вѣнцу-всякой кланяется,
А на грозенъ мечь взглянетъ-всякъ ужаснется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ все попы патріархи,
Они служатъ, читаютъ-память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память царю православному,
Царю грозному Ивану Васильевичу.

—

XVI.

Гришка Растрига. [1]

Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый?
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался—
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злаго Растригу Гришку Отрепьева;
Уже ли онъ, Растрига, на царство сѣлъ?
Называется Растрига прямымъ царемъ,
Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ.
Недолго Растрига на царствѣ сидѣлъ,

1. Кирша, стр. 102.

Захотѣлъ Растрига женитися;
Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ Растрига въ проклятой Литвѣ,
У Юрья пана Сендомирскаго
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретицу, безбожницу.
На вешній праздникъ Николинъ день,
Въ четвергъ у Растриги свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
Князья и бояре пошли къ заутрени,
А Гришка Растрига онъ въ баню съ женой;
На Гришкѣ рубашка кисейная,
На Маринкѣ соянъ хрущатой камки;
А часъ другой поизойдучи,
Уже князья и бояре отъ заутрени,
А Гришка Растрига изъ бани съ женой.
Выходитъ Растрига на красной крылецъ,
Кричитъ, реветъ зычнымъ голосомъ:
«Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
Приспѣвайте кушанье разное,
А и постное и скоромное;
Завтра будетъ ко мнѣ гость дорогой,
Юрья панъ съ паньею».
А въ ту пору стрѣльцы догадалися,
За то-то слово спохваталися,
Въ Боголюбовъ монастырь металися
Къ царицѣ Мареѣ Матвѣевнѣ:

«Царица ты, Мароа Матвѣевна!
Твое ли это чадо на царствѣ сидитъ,
Царевичь Димитрій Ивановичь»?
А въ ту пору царица Мароа Матвѣевна заплакала,
И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
«А глупы стрѣльцы вы, не догадливы!
Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
На царствѣ у васъ сидитъ
Растрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;
Убитъ мой сынъ царевичь Димитрій Ивановичь
Въ Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыхъ;
Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
У чудной Софіи премудрыя».
Тутъ стрѣльцы догадалися;
Всѣ они собиралися,
Ко красному царскому крылечку металися,
И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
Гришка Растрига догадается,
Самъ въ верхни чердаки убирается
И на крѣпко запирается;
А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обернулася
И изъ палатъ вонъ вылетѣла.
А Гришка Растрига въ ту пору догадливъ былъ.

Бросился онъ съ тѣхъ чердаковъ на копья
острыя
Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ;
И тутъ ему такова смерть случилася.

—

XVII.

Михайло Скопинъ.[1]

А и дѣялось, учинилося,
Кругомъ сильна царства Московскаго,
Литва облегла со всѣхъ четырехъ сторонъ;
А и съ нею сила, Сорочина долгополая;
И тѣ черкесы Пятигорскіе,
Еще ли калмыки съ татарами,
Со татарами, съ башкирцами,
Еще чукши съ люторами.

---

1. Кирша, стр. 275.

Какъ были припасы многіе.
А и царскіе и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе;
А нельзя ни пройдти, ни проѣхати,
Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти
А изъ сильнаго царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свѣто-русскія,
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ.
Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичъ.
Онъ походъ чинилъ къ Нову-городу.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣ-городѣ,
Пріѣзжалъ онъ Скопинъ на съѣзжій дворъ,
Шелъ во избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
Какъ бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Шведскую землю,
Къ любимому брату названному,

Къ Шведскому королю Карлусу;
А отъ мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, названной братъ,
А ты Шведской король Карлусъ!
А и смилуйся, смилосердуйся,
Смилосердуйся, милость покажи,
А и дай мнѣ силы на подмочь;
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со всѣхъ четырехъ сторонъ,
Приступала Сорочина долгополая,
А и тѣ черкесы пятигорскіе,
А и тѣ калмыки со башкирцами;
А и тѣ чукши со люторами;
И не можемъ мы съ ними управиться:
Я закладываю три города Русскіе».
А съ ярлыками послалъ скораго почтаря,
Своего любимаго шурина
Того Митрофана Фунтосова.
Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой Ордѣ
У честна короля, честнаго Карлуса,
Онъ въѣзжаетъ прямо на королевской дворъ,
Ко Шведскому королю Карлусу.
Середи двора королевскаго
Соскочилъ почтарь со добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
Ни за чѣмъ почтарь не замѣшкался,

У того ли было князя Воротынскаго,
Крестили младаго княжевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скуратова.
У того-ли князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестной столъ,
Тутъ было много князей и бояръ и званыхъ гостей
Будетъ пиръ во полупирѣ,
Княженецкой столъ во полустолѣ;
Какъ пьяницы тутъ разхвастались,
Сильной хвастаетъ силою,
Богатый хвастаетъ богатествомъ;
Скопинъ князь Михайло Васильевичь
А не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкой медъ,
Не съ большаго хмѣлю онъ похвастываетъ:
«А вы, глупой народъ, неразумные!
А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей:
Я Скопинъ, Михайло Васильевичь,
Могу князь похвалитися,
Что очистилъ царство Московское,
Великое государство Россійское;
Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
Отъ стараго то малаго,
Отъ малаго до вѣку моего».

А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Подвернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочи Скуратовой.
Знавши она, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Принимаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
«Услышалъ, что во утробѣ неловко.
Ай ты съѣла меня кума крестовая,
Малютина дочь Скуратова;
Знаючи мнѣ съ зельемъ стаканъ подала,
Съѣла ты меня, змѣя подколодная»!
Голова съ плечь покатилася,
Онъ и тутъ Скопинъ скоро съ пиру пошелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ онъ съ нею проститися,
А матушка ему пѣнять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ князь Михайло Васильевичь!
Я тебѣ приказывала,
Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;

А ты меня не послушался,
Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скуратова,
Онъ къ вечеру Скопинъ и преставился.
То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зѣлено вино;
Гдѣ мы пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласковому.

—

XVIII.

Усы удалы молодцы.[1]

Ахъ! доселева Усовъ и слыхомъ не слыхать,
А слыхомъ ихъ не слыхать, и видомъ не видать;
А ныньче Усы проявились на Руси,
А въ новомъ Усольи у Строгонова.
Они по городу похаживаютъ,
А кораблики бобровые, верхи бархатные,
На нихъ смурые кафтаны,

---

1 Кирша, стр. 409.

Съ подпушечками съ камчатыми,
А и синіе чулки, астраханскіе черевики,
А красныя рубашки, косые воротники, золотые
плетни.
Собиралися Усы на царевъ на кабакъ,
И садилися молодцы во единой кругъ.
Большой Усище и всѣмъ атаманъ,
Гришка Мурышка, дворянской сынъ,
Самъ говоритъ, самъ усомъ шевелитъ:
«А братцы Усы удалые молодцы!
Вѣдь лѣто проходитъ, зима настаетъ,
А и надо чѣмъ Усамъ голову кормить,
На полатяхъ спать и намъ сытымъ быть;
Ахъ! нутет-ко, Усы, за свои промыслы.
А мечитеся по кузницамъ,
Накуйте топоры съ подбородышами,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сдѣлайте бердыши
И рогатины и готовтесь всѣ.
Знаю я крестьянина—очень богатъ,
Живетъ на высокой горѣ, далеко въ сторонѣ,
Хлѣба онъ не пашетъ, да рожь продаетъ,
Онъ деньги беретъ, да въ кубышку кладетъ,
Онъ пива не варитъ и сосѣдей не поитъ,
А прохожихъ-то людей ночевать не пущатъ,
И прямыя дороги не сказываетъ.
И надо-де къ крестьянину умѣючи идти;

А по полю идти—не посвистывати,
А и по бору идти—не покашливати,
Къ двору его идти—не пошаркивати.
Ахъ! у крестьянина-то въ домѣ борзые кобели
И ограда крѣпка, избушка заперта,
У крестьянина ворота крѣпко заперты».
Пришли они Усы ко крестьянскому двору,
А хватились за заборъ, да металися на дворъ,
И кто-то де въ двери, атаманъ въ окно:
И полна избушка принаполнилася.
А Гришка Мурышка, дворянской сынъ,
Сѣлъ впереди подъ окномъ,
Самъ и локоть на окно,
Онъ самъ говоритъ и усомъ шевелитъ:
«А и нутко ты крестьянинъ, поворачивайся!
А и дай намъ Усамъ и попить и поѣсть,
И попить и поѣсть и позавтракати».
Охъ! метался крестьянинъ въ большой анбаръ;
И крестьянинъ-отъ несетъ пять пудъ толокна,
А старуха-то несетъ три ушата молока.
Они по кусу хватили, только голодъ заманили,
По другому хватили, пріоправилися,
Какъ по третьему хватили, ему кланялися:
«А спасибо, крестьянинъ, на хлѣбѣ на соли;
И на кисломъ молокѣ, на овсяномъ толокнѣ,
Поилъ насъ, накормилъ, да и животомъ на-
дѣли—

Надѣли ты насъ Усовъ по пятидесять руб-
левъ,
А большому атаману полтораста рублевъ».
А крестьянинъ-отъ божится: «право денегъ
нѣтъ»!
А старуха говоритъ: «ни полушечки».
А дуракъ на печи, что клеитъ говоритъ:
«А братцы Усы, удалы молодцы!
А и есть-де вѣдь у батюшки денежки,
А и будетъ васъ Усовъ всѣхъ надѣлить,
А мнѣ-де дураку не достанется;
А всѣ копитъ будущимъ зятьямъ».
И проговоритъ Усище, большой атаманъ:
«Братцы, Усы, за свои промыслы!
Ахъ! нутко Аѳанасъ, доведи его до насъ!
Ахъ! нутка Агаѳонъ, да вали его въ огонь!
И берите топоры съ подбородышами,
Добывайте огонь, кладите па огонь середи
избы.
Бросьте крестьянина со старухой въ огонь».
Не могъ крестьянинъ огня стерпѣть,
Побѣжалъ крестьянинъ въ большой анбаръ,
Вынималъ изъ подкамня съ деньгами кубышку,
Приносилъ крестьянинъ и брякъ на столъ:
«Вотъ вамъ, Усамъ, по пятидесять рублевъ,
А большему-то Усищу полтораста рублевъ».
Вставали Усы, они крестьянину кланяются:

«Да спасибо тѣ, крестьянинъ, на хлѣбъ на
соли,
На овсяномъ толокнѣ и на кисломъ молокѣ,
Напоилъ насъ, пакормилъ, животомъ надѣ-
лилъ.
А мы дворъ твой знаемъ и опять зайдемъ,
И тебя убьемъ и твоихъ дочерей уведемъ,
А дурака твоего въ есаулы возмемъ.

—

XIX.

Стенька Разинъ.[1]

Какъ по матушкѣ по Волгѣ
Легка лодочка плыветъ,
Какъ во лодочкѣ гребцовъ
Ровно тридцать молодцовъ;
Посередь лодки сидитъ
Стенька Разинъ самъ.
Какъ возговоритъ онъ Стенька
Ко товарищамъ своимъ:

1. Костомарова. Бунтъ Стеньки Разина стр. 117—118.

«Ужь и что́й-то это, братцы
Мнѣ тошнымъ-тошно,
Мнѣ сегодняшній денечекъ
Да грустнехонько?
Какъ и знать-то мой сынокъ
Во неволюшку попалъ.
Ужь я въ Астрахань зайду—
Выжгу, вырублю,
Астраханскаго воеводу
Я подъ судъ возьму».

—

XX.

Шайка Стеньки.[1]

Ахъ туманы вы, мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря
долой;
Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца
прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная!

---

1. Костомарова. Б. Ст. раз, стр. 177—178.

Ты пролей, пролей, частъ-крупенъ дождикъ!
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтобъ тюремнички-братцы разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися!
Во дубравушкѣ, во зелененькой,
Ночевали тутъ добры молодцы;
Подъ березонькой они становилися,
На восходъ Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца,
Что Степана свѣтъ Тимоѳеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
Добрыхъ молодцовъ, людей бѣглыихъ
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возмемъ».

XXI.

Казнь Стеньки Разина[1]

Помутился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Черна моря!
Помѣшался весь казачій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѳеевича
По прозванью Стеньки Разина.
Поимали добра молодца,

---

1 Костом., Б. Ст Раз., стр. 221.

Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову!

—

XXII.

Воровскіе козаки. [1]

Промежь было Казанью, промежь Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Изъ тоя ли было нагорной сторонушки,
Какъ бы прошла, протекла Камышевка рѣка,
Своимъ устьемъ она впала въ матушку Волгу рѣку.
А по славной было матушкѣ Камышевкѣ рѣкѣ

1. Кирша, стр. 318.

Выгребали, выплывали пятдесятъ легкихъ стру-
говъ,
Воровскихъ козаковъ;
А на всякомъ стружечкѣ по пятдесятъ греб-
цовъ,
По пятдесятъ гребцовъ—воровскихъ козаковъ.
Заплывали, загребали въ Колованскіе острова,
Становились, молодцы, во тихихъ заводяхъ,
Погулять на зеленыхъ лугахъ:
Разставили майданы терскіе
И раздернули ковры сорочинскіе;
А играли козаки золотыми они тавлеями; [1]
Кто-де костью, кто-де картами—всѣ удалы
молодцы.
Посмотрятъ молодцы внизъ по Волгѣ рѣкѣ,
Какъ бы чернь-то на Волгѣ зачернѣется,
А идутъ гребные изъ Астрахани.
Дожидались козаки, удалые молодцы,
Губернатора изъ Астрахани Рѣпнина,
Князя Данилу Александровича:
А на что душа рождена, то Богъ и далъ.
Подошли тѣ гребные въ Колованскіе острова,
И бросали козаки они потѣхи всѣ,
И бросалися во свои легоньки стружки,

---

1. Тавлеи—игральныя кости.

Напущалися козаки на гребные струги;
Они всѣ тутъ торговыхъ перещупали,
Они спрашиваютъ губернатора изъ Астрахани:
А то коли онъ съ вами, покажите его намъ,
А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ, и
дѣла нѣтъ.
Потаили купцы губернатора,
У себя они спрятывали подъ товары подъ
свои,
Говорили молодцы воровскіе козаки:
А вы сами себѣ враги, за что его спрятали.
Обыскали подъ товарами губернатора:
Рѣпнина князя Данилу Александровича,
Изрубили его во части мелкія,
Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
А его-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми дѣтушками
Они всѣ молодцы, воровскіе козаки, помилова-
вали;
А купцовъ молодцовъ ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Поплыли по Камышевкѣ рѣкѣ.

—

XXIII.

Походъ на Азовъ. [1]

Собирается православный царь подъ крѣпкой
Азовъ городъ.
Собираетъ онъ телѣженекъ сорокъ тысячей;
Въ каждую телѣжку сажалъ по пяти молод-
чиковъ,
По шестому приставлялъ по извощичку;
Укрывали суконцами багрецовыми,
Убивали гвоздочками полужеными.

---

1. Памятники вел. русскаго нарѣчія, изд. Акад., стр 47.

Подъѣзжали къ Азовскимъ крѣпкимъ воротичкамъ.
Возговоритъ православный царь таково слово:
Охъ вы гой есте, Азовскіе караульщички!
Доложите въ Азовѣ своимъ начальничкамъ;
«Пріѣхалъ къ вамъ богатой гость Ѳедоръ Ивановичь
Со тѣми ли со товарами со заморскими,
Со куницами пріѣхалъ и съ соболицами».
Отворяли ему Азовски крѣпки воротички.
Они ѣхали во Азовъ городъ трои суточки,
На четвертые суточки уставились.
Тутъ возговоритъ православный царь таково слово:
«Охъ вы гой есте, извощички, добры молодцы!
Отдирайте суконцы во единой махъ».
Отдирали они суконцы скоро на скоро,
Вылетали изъ каждой изъ телѣжки по пяти молодчиковъ.
Они сабли остры на голо держатъ,
Испугалися Азовскіе начальнички:
Ужь ты батюшко нашъ,
Православный царь Петръ Алексѣевичь!
Не мути ты нашъ тихой Донъ:
Мы станемъ тѣ служить вѣкъ вѣрой—правдою,
Вѣрой—правдою, и какъ тѣ надобно.

—

XXIV.

Царь Петръ Алексѣевичь ворочается. [1]

А у насъ было на синемъ морѣ,
На синемъ морѣ на Балтійскомъ;
Выплывалъ, выбѣгалъ Муравей корабль,
Хорошо корабль изукрашеной,
Мелкимъ жемчугомъ изунизаной.
На корабликѣ всѣ снасточки шелковыя;
На немъ мазурушки все полковнички,
А пассажирушки все генералушки;

---

1. Памятн. в. рус. нар. изд. Акад. стр., 45.

На носу сидитъ православной царь,
Православной царь, Петръ Алексѣевичь;
На кормѣ сидитъ молодой нѣмецъ.
Онъ бѣжитъ корабль изъ иной земли,
Изъ иной земли, земли Швецкія
Въ нашу мать во Россеюшку.

—

XXV.

Правежъ при Петрѣ I.[1]

—

Били добраго молодца на правежѣ
На жемчужномъ перекресточкѣ,
Во морозы во крещенскіе,
Во два прутичка желѣзные.
Онъ стоитъ удалинькой не тряхнется,
И русы кудри не шелохнутся;
Только горючи слезы изъ глазъ катятся.
Наѣзжаетъ къ нему православный царь,

1. Памятн. в. рус. нар. изд. Акад., стр. 25.

Православный царь Петръ Алексѣевичь:
Вы за что добраго казните?
Бьете, казните казнью смертною?
Тутъ возговорятъ мужики приходскіе:
Ужь ты гой еси, православный царь,
Царь Петръ Алексѣевичь!
Мы за то его бьемъ казнимъ
Онъ покралъ у насъ Николу Можайскаго
И унесъ казны сорокъ тысячей.
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
Ужь ты гой еси, православной царь,
Православной государь Петръ Алексѣевичь!
Не вели меня за слово казнить—вѣшати,
Прикажи мнѣ слово молвити,
Мнѣ себя добра молодца поправити!—
Не я покралъ у нихъ Николу-ту Можайскаго,
И не я унесъ у него золоту казну;
А покрали его мужики;
Только случилось мнѣ доброму молодцу
Это дѣло самому видѣти.
Гулялъ я молодецъ по бережку,
На желтомъ пескѣ, при мелкомъ лѣску.
И увидѣлъ, что они дѣлятъ казну,
Не считаючи дѣлятъ отгребаючи;
У меня у молодца сердце разгоралося,
Молодецкая кровь раскипѣлася;
Ломалъ я молодчикъ мостовиночку дубовую;

Перебилъ я мужиковъ до полусмерти,
Иныхъ прочихъ чуть живыхъ пустилъ.
И взялъ я у нихъ золоту казну,
Взявши казну сталъ пересчитывать;
Насчитывалъ казны сорокъ тысячей.—
Тутъ не золота трубынька вострубила,
Какъ возговоритъ государь Петръ Алексѣевичь:
Ты куда такову казну дѣвалъ?
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
Ужь ты гой еси православной царь,
Православной царь Петръ Алексѣевичь!
Прогулялъ я во кружалѣ [1]
Со голыдьбою [2] со кабацкою!...

---

1. Кружало—кабакъ, питейный домъ.

2. Голыдьба—бѣдные люди.

XXVII.

Смерть Петра Алексѣевича.[1]

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Не во всю землю святорусскую?
Что съ вечера—не до полночи,
Со полуночи—не до бѣла свѣта?
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.

---

1. Пам. в. р. нар. Акад., стр. 154.

Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
У дворца было государева,
У крыльца было воскрашеннаго,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись—слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, ровно громъ гремитъ.
Въ возрыданьи онъ слово вымолвилъ:
Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные!
Разнесите вы снѣги бѣлые.
Разступись ты, мать сыра земля!
Развались ты, бѣлъ горючь камень!
Расколись ты, гробова доска;
Развернись ты, золота парча!
Распахнись ты, бѣлъ тонкой саванъ!
Ужь ты встань—проснись, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь!
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
Посмотри на свою армеюшку.
Хорошо твоя армеюшка обряжена:
Всѣ полковнички—во своихъ полкахъ,
Подполковнички—на своихъ мѣстахъ,
Всѣ майоры—на добрыхъ коняхъ,
Капитаны—передъ ротами,
Офицеры—передъ взводами,

А прапорщики—подъ знаменами,
Дожидаютъ они полковничка,
Что полковничка Преображенскаго—
Капитана бомбандирскаго.

—

XXVIII.

Французъ съ арміей валитъ. [1]

—

Заводилася война
Среди бѣлаго дня,
А какъ начало палить,
Только дымъ столбомъ валитъ;
Каково есть красно солнышко,
Невидно во дыму!
Только видно во дыму:
Не ясенъ соколъ летитъ,

1. Лѣтописи, изд. Тихонравовымъ, книга 2-я, № XIV.

Которы подъ горой
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ такой лежитъ,
Таку рѣчь говоритъ:
Вы подайте-ка, ребятушки,
Чернильницу съ перомъ,
Чернильницу съ перомъ
Листъ бумаги съ гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому,
Государю самому,
Императору царю:
Еще нашъ-отъ генералъ
Много силы раздержалъ
Ужь онъ пропилъ, промоталъ,
Досталь въ карты проигралъ.

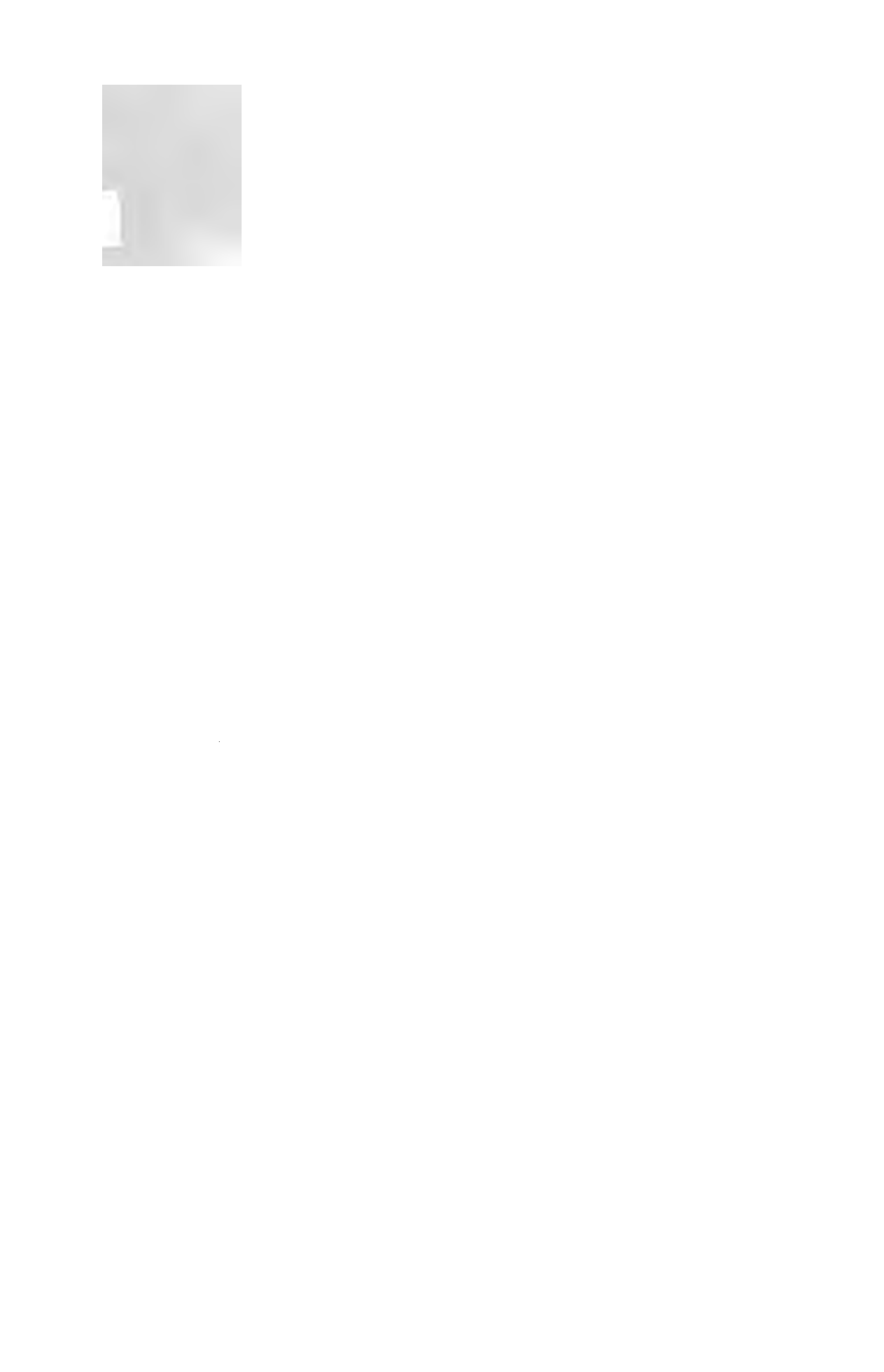
—

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

GENERAL BOOKBINDING CO.

QUALITY CONTROL MARK



PG 3114.3 .S28 C.1
Sbornik velikorusskikh narodny
Stanford University Libraries
3 6105 036 621 147

DATE DUE			

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305